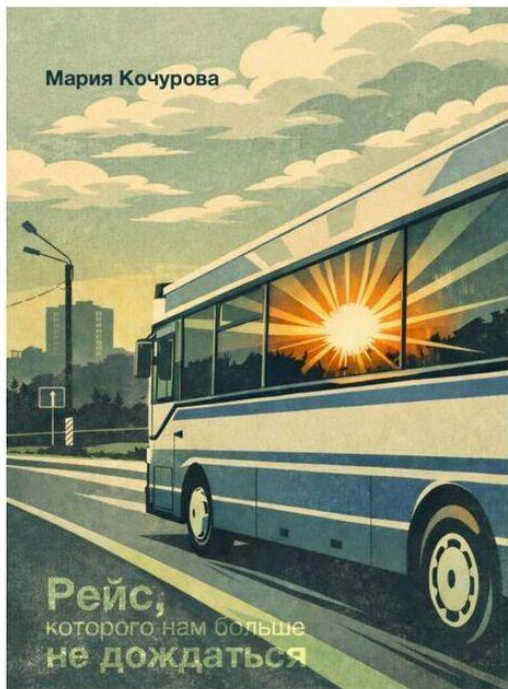

18+

Мария Кочурова

Рейс, которого нам больше не дождаться

<https://litres.ru/74257333>

ISBN 9785007058728

Аннотация

Сборник воспоминаний «Рейс, которого нам больше не дождаться» — производственная проза, разворачивающаяся на фоне пейзажей Владимира в условиях автопарка. В центре повествования — скрытая от посторонних глаз жизнь транспортной компании, интересные истории и судьбы людей, навсегда связанных невидимыми нитями дорожных маршрутов. Все совпадения с реальными лицами и событиями случайны и являются художественным вымыслом автора.

Содержание

От автора	5
Пролог	9
Глава 1. Как я пришла в «БигАвтоТранс»	11
Глава 2. Мой первый постоянный экипаж	16
Глава 3. Боевое крещение	23
Глава 4. Машка, крепись!	29
Глава 5. С чего начинается утро автобусника?	37
Глава 6. Без фамилий: код доступа	42
Глава 7. Саш, переключай!	47
Глава 8. Необычные знакомства	54
Глава 9. Эй, с «резерва»!	65
Глава 10. От рассвета до заката жизнь автобусом богата!	81
Глава 11. Такие разные автобусы	92
Глава 12. Антон уходит	101
Глава 13. Сага о термосе и тапке	113
Глава 14. Переход к сменщику	121
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Рейс, которого нам больше не дождаться

Мария Кочурова

Редактор Ирина Анатольевна Гончаренко

Дизайнер Сергей Эдуардович Корохов

© Мария Кочурова, 2026

ISBN 978-5-0070-5872-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Выход этой книги в свет стал возможен благодаря финансовой поддержке Максима А., Светланы П., Ольги А., Алексея К., за что я выражаю им глубочайшую признательность.

От всей души благодарю за помощь Юрия Викторовича Желдыбина, заместителя директора ГК «БигАвтоТранс», а также Александра Александровича Перфилова, начальника службы эксплуатации ГК «БигАвтоТранс». Спасибо за то, что поддержали идею написания этого произведения и поделились бесценными материалами!

Безгранично благодарю за первоклассную редактуру прекрасную Ирину Анатольевну Гончаренко. Без ее зоркого взгляда и острого ума эта книга не получилась бы столь искренней и захватывающей.

Спасибо Сергею Эдуардовичу Корохову, непревзойденному дизайнеру и замечательному человеку, который согласился превратить обычные старые снимки в настоящие произведения искусства и создал специально для книги обложку потрясающей красоты.

Спасибо Михаилу (FanTrans) за любезно предоставлен-

ную фотографию автобуса Е 633 МК 33 из личного архива.

Отдельная благодарность моим невероятным и понимающим родителям, Марине Викторовне и Игорю Александровичу, бабушке Зинаиде Владимировне и тётке Ларисе Борисовне.

Хочу также отметить своих прекрасных друзей, без которых этот сборник мог никогда не выйти.

Большое спасибо Дмитрию И., Жанне А., Юлии Р., Анне П., Елене К., Александре Т., Александрю К., Анне Г., Йонатану М. и Мартину Х. Ребята, вы самые лучшие, и мне следует повторять вам это почаще!

Дорогие мои, бесценные коллеги! Если вдруг вы не нашли на этих страницах своё имя — пожалуйста, не расстраивайтесь! Вы присутствуете в каждом слове, жесте и взгляде как тихие, но незаменимые герои, без которых не было бы ни того чудесного предприятия, ни всех этих строк.

События, истории и герои данной книги являются художественным вымыслом автора. Все совпадения случайны.

Мне работа по-прежнему снится,
И её до сих пор я люблю,
С целым миром хочу поделиться,
Тем, что в сердце все годы храню.

Те минуты наполнены светом,
И теплом самых близких друзей,
Я отлично все помню рассветы —
Их не будет приятней, родней.

Наши ранние общие встречи
Начинались в четыре утра,
Говорили друг другу мы речи,
А затем наступала пора

Вереницей нам в путь отправляться
И привычный маршрут к себе звал,
Начинали мы спешно прощаться,
И спокойствия каждый желал.

Выезжали тогда за ворота,
Провожали коллеги гурьбой,
Нам руками махали с заботой,
И «Удачи!» кричали порой.

Отношение было такое,
Будто все мы — большая семья,
По былому комфорту, покою,
Все скучают... Особенно я.

Пролог

В память о бессменном руководителе, идейном вдохновителе, владельце ГК «БигАвтоТранс» и просто замечательном человеке Автандиле Арешовиче Биганове и всех коллегам, кого уже нет среди нас. Ваши имена, голоса и транспортные подвиги никогда не будут забыты.

Конечно, ГК «БигАвтоТранс» давно осталась в прошлом, а её люди растворились в бесконечных пробках разных городов. Но кое-что главное никогда не списать в утиль.

Каждый из нас до сих пор просыпается от призрачного рассвета на 2-м Почаевском. Стоит лишь закрыть глаза, как запустится твой личный кинопоказ. И в этом утреннем тумане мерно тарахтят МАНы, Мерседесы и Сетры, диспетчерская гудит от чуть сонных, но таких родных мужских голосов, а из глубины ремзоны доносится неизменное: «Готово! Выезжай!»

Это рейс туда, куда больше не купишь билет и не дождешься «дежурки». Но я всё ещё помню, где находится волшебный тумблер. Протягиваю руку к приборной панели. Включаю массу. Щёлк! Автобус к запуску готов. Три, два,

один... Вррр-р-р-руум! Сейчас еще воздуха подкачаем, и в путь, друзья, поехали!

Глава 1. Как я пришла в «БигАвтоТранс»

— Сан Саныч, добрый день! Смотрите, кого я вам привела! — Леночка была в своём репертуаре. На самом деле не она притащила, а я попросила меня проводить. Одна я бы точно заблудилась в промзоне — никогда раньше сюда не ездила.

Небольшой, но светлый кабинет, приятный мужчина лет 35. Встречает нас с улыбкой, вроде бы бояться нечего. Лена легонько подтолкнула меня в бок, и я начала:

— Здравствуйте! Я Маша. Приятно познакомиться!

— Добрый день, девчонки! Что, Ленок, о ней ты мне вчера говорила?

Подруга молча кивнула и подмигнула ему. После секундной паузы он бодро продолжил, чуть отодвинув в сторону кипу листочков с расписаниями:

— А я — Александр Александрович, начальник первой автоколонны. Хочешь у нас работать?

— Да. Очень! Хорошо у вас, говорят.

И я почти не солгала. Я действительно так думала. Едва мы вошли в здание, я вдруг почувствовала, что я дома. В буквальном смысле. В воздухе витало какое-то странное, но тёплое спокойствие, хотя вокруг кипела работа.

Пока мы поднимались наверх, я успела проникнуться атмосферой большой транспортной компании. Звонили телефоны, слышались обрывки фраз, смысл которых мне был не до конца понятен.

Лена сама пришла в «БигАвтоТранс» буквально пару месяцев назад и с тех пор звала меня за собой. Она часами могла рассказывать о молодом и классном коллективе, модных низкопольных автобусах и сменном графике работы.

Я же в свои 19 лет до одури боялась любых перемен. Но, видя неподдельный блеск в ее глазах, начала задумываться. «А что, собственно, я теряю? Не понравится — уйду». Я сказала Лене, что согласна попробовать, и мне назначили собеседование.

Когда мы приблизились к кабинету на третьем этаже, там тоже раздался пронзительный звонок, и сразу послышался

мужской голос: «Да, хорошо. Понял тебя, Виктор Васильевич! Сменщика попрошу, он завтра за тебя выйдет. Выздоравливай!»

— Это начальник наш, — тихонько сообщила мне Лена. — Он тебе понравится. Да и вообще у нас тут здорово. Считай, семья, хоть и рабочая.

Она говорила вполне серьезно, а я в тот момент лишь усмехнулась. У меня за плечами (как громко звучит-то!) уже был какой-никакой опыт работы кондуктором на автобусе, и я кое-что в этом смыслила. Уважение — встречается, понимание — реже, но тоже бывает, а вот слово «семья» для меня прозвучало на грани фантастики. Но в итоге я поняла, насколько она была права.

— Что ж, тогда добро пожаловать! — продолжил Сан Саныч, протягивая мне красивую визитку с номерами телефонов для связи. — Буду искать тебе постоянную машину, а сегодня с Леной стажируешься на ВТ 964. Там видно будет, куда тебя определить.

Я собралась было покинуть кабинет, как вдруг услышала:

— Сан Саныч, а дашь мне свою новую девочку на денёк?

Это интересовался его коллега, начальник второй автоколонны Алексей Иванович. Такой «обмен» сотрудниками был вполне оправдан — когда не хватало запасных игроков, приглашали ребят из смежных команд. Автобусы должны выезжать, несмотря ни на что — их всегда ждут сотни пассажиров.

— Если она согласна, то почему нет? Маш, готова завтра приступить к работе?

— Конечно. — Мне было одновременно и лестно, и обидно — я им что, новые щетки дворников, чтобы делить на «моё» и «твоеё»? — А что за маршрут?

Алексей Иванович заметно повеселел.

— «Двадцаточка» у тебя будет. Там водитель хороший, тоже на днях устроился, найдете, о чем поболтать. Вот тебе номер автобуса и время начала смены. А там, глядишь, и на постоянной основе ко мне переберешься. А, Саныч? — он внимательно посмотрел на него в ожидании ответа.

— Вот только не надо переманивать моих сотрудников! У вас и своих достаточно. Она пришла ко мне. На «24-ку» ее посажу.

Они оба улыбнулись, и я выдохнула: раз даже большие начальники так непринужденно шутят, то, должно быть, и с коллегами мне повезет. Я отпустила тормоза и больше не чувствовала себя «ручником». Пришла пора нажать на газ!

Глава 2. Мой первый постоянный экипаж

Позади были первые пять самостоятельных смен — правда, в качестве подменного кондуктора. К постоянному автобусу меня пока не прикрепили. Утром шестого дня я мирно спала, настроившись на выходной — пока не раздался звонок телефона.

— Маш, доброе утро! Спишь?

Я мигом подскочила, узнав в трубке голос Сан Саныча, и попыталась прозвучать максимально естественно и бодро.

— Здравствуйте! Нет, не переживайте, давно уже встала.

— Часы показывали 8:02.

— Слушай, а я ведь нашёл тебе экипаж. Сегодня уже и заступаешь — правда, снова вторая смена будет. Выдержишь?

— Ну разумеется!

До сих пор не знаю, как я тогда сдержалась, чтобы не завизжать от восторга. Мой собственный экипаж на «24-ке»!

Всего через неделю работы! Тут было чему радоваться.

— Добре. ВР 877, пересменка в 14:20.

Мы попрощались, и я наконец-то выпалила: «Ваааау!» Хотя я никого в экипаже и не знала, но заранее гордилась, что попала именно к ним. Такой новостью нужно было срочно поделиться с Леной.

— Алло? Ты спишь, что ли?

— Так у меня выходной вообще-то. Или ты забыла? — голос у неё был такой же заспанный, как у меня пару минут назад. Но мне было не до этого.

— Меня закрепили за автобусом, представляешь? — здесь я от счастья перешла на ультразвук, и моя подруга тотчас проснулась.

— Да ладно?! Так быстро?! Вот класс! К кому? В нашу смену?

Я замялась. Я трудилась в компании меньше недели и еще не привыкла к тому, кто, где и с кем работал.

— Эммм... А я и не знаю. Мне сегодня в вечернюю.

Послышался вздох сожаления.

— Нет, не к нам. Эта смена идет после нас. Мы на выходные отправляемся, а они заступают. А что за автобус? Там вроде всё укомплектовано.

— ВР 877.

— Точно! У Антохи кондуктор ушла. Ну поздравляю! Отличные напарники тебе достались. Завтра расскажешь, как всё прошло!

Сон как рукой сняло. Преисполненная ожиданием встречи, я решила сразу подготовиться к работе. Достала билетно-учетный лист, проверила катушки с билетами — у нас разрешали забирать их домой до следующей смены, и я аккуратно хранила этот ценный груз. Еще я взяла блокнотик, две синие ручки и большой калькулятор. Упаковала в сумку и поставила на стул возле выхода, чтобы точно ничего не забыть.

Часы тянулись медленно. Я успела прокрутить в голове сотни сценариев, как пройдут мои первые минуты в постоянном экипаже. Репетировала разные приветствия, продумывала каждую деталь первого дня. Но к тому, что произошло

в реальности, жизнь меня не готовила. Совсем.

Все предыдущие дни мы с Леной приезжали в диспетчерскую вместе, брали кофе, булочки и мило болтали до начала смены. За временем я особо не следила — с конечной наши автобусы отправлялись один за другим, так я и ориентировалась. Сегодня же предстояло идти на работу одной.

Пересменка в 14:20. Так, нужно посчитать. Четверть часа пешком до остановки, потом минут пять ждать автобус, минут десять ехать. Значит, выйти можно где-то в 13:40. Успею с запасом. Ха. В этом была моя роковая ошибка, но о ней я узнала чуть позже.

На Добросельской я вбежала в подъехавший ВР 920 «24-го» маршрута. Предъявила кондуктору пропуск и поздоровалась. Она, не обращая на меня особого внимания, продолжила считать выручку. До «Глобуса» (конечной остановки) мы долетели гораздо быстрее, чем я ожидала.

Уже в 13:57 я шла вдоль стройного ряда автобусов к диспетчерской. Они все тарахтели наперебой, наполняя воздух моим любимым запахом солярки. Чуть в стороне курили водители и что-то вполголоса обсуждали. Я громко поздоров

валась, получила одобрителный ответный кивок и открыла дверь в святая святых.

Внутри творился настоящий хаос. Люди кричали, хохотали, перебивали друг друга. Во всём этом шуме звонки стационарного и мобильного телефонов было почти не различить. Я предприняла робкую попытку пробраться через толпу к диспетчеру, но мне это не удалось. Вдруг через пару секунд раздался громкий голос:

— Петровначка, вот она! Пришла! Скажи 877-му, что сменщица нашлась, могут ехать!

Это была кондуктор с другой «24-ки», Елена Борисовна (её все называли именно так — из уважения к авторитету и боевому характеру). Обращаясь ко мне, она скомандовала: «Бегом в автобус, Антон с ума уже сходит!»

Изрядно испугавшись, я ринулась к ВР 877. Он стоял, как принято говорить, «на низком старте». Едва я оказалась в кабине, водитель тронулся с места, на ходу закрывая двери, чтобы ни я, ни его сменщик нечаянно не пострадали. Я успела взглянуть на часы — 14:07.

— Где тебя носит только? — напарник был недоволен моим «опозданием» и заметно нервничал. — Сейчас нас «21-

ый» «вырежет», и большой привет выручке.

В мире транспорта и конкурирующих маршрутов это норма — если не ты их, то они тебя. Мы старались везде успевать первыми. И если конкурент уже дышал в спину — могли выехать чуть раньше.

Я повесила дамскую сумку на крючок в кабине, вооружилась катушкой и от греха подальше уселась в салоне, даже не сняв куртку. Были последние числа октября, погода стояла хорошая, в салоне на малых оборотах мерно шуршали печки. Будь я в свитере и жилетке, как обычно, мне было бы максимально комфортно. А вот в куртке работать, прямо скажем, жарковато. Но к водителю я ни ногой. По крайней мере, пока не доберемся до Нижней Дубровы. Там придется в любом случае зайти в кабину и записать, сколько билетов продали.

Чуть успокоившись, я начала с любопытством разглядывать автобус. Сиденья с цветными полосками, ярко-оранжевые поручни, а главное — необычайно ласковый и в то же время игривый «голос» коробки передач. Она так забавно «урчала», когда водитель набирал и сбрасывал скорость, что у меня от умиления замирало сердце. Погруженная в ощущения, я и не заметила, как мы прибыли на конечную и остановились.

— Привет, что ли! — весело донеслось с передней площадки. — Я Антон. Ты это, извини, что я на тебя так накинулся. Просто мы всегда этим рейсом перед «21-ым» должны выскакивать, иначе пустые проедем. Нужно минут на пятнадцать раньше выдвигаться, хоть это и противоречит графику. Я потому и нервничал.

Я быстрым шагом направилась к кабине, на ходу начиная отвечать.

— Привет! А я Маша. Очень приятно! — Не убил и не злопамятный. Да мне точно повезло с ним! — Ты тоже извини. Я ваших законов пока не знаю. Приехала-то я вовремя, даже на полчаса раньше!

— Это да. Но иногда этого недостаточно. Так что мотай на ус! А теперь погнали, пора обратно ехать.

Я наконец-то разделась и повесила куртку за спиной Антона. День обещал быть насыщенным и интересным. Я на «24-ке», еще и в постоянном экипаже. С ума сойти!

Глава 3. Боевое крещение

Не хотелось бы хвастаться, но я совсем не боялась толпы в час пик. Даже на «24-ке». Для меня это было скорее вызовом, чем паникой.

Когда в салон заходило по два-три человека, кондуктор, чего греха таить, немного расслаблялась. Можно было лишний раз посмотреть, что нового на улицах, даже полюбоваться на переезде грузным зеленым тепловозом, из-за которого терялись драгоценные минуты и без того плотного графика. Но когда наши двери буквально «штурмовали», становилось не до романтики.

Я полностью погружалась в работу: успеть оторвать билетик или одобрительно кивнуть на показанный проездной. И никого не пропустить до следующей остановки. Как правило, мне хватало времени, чтобы пробежаться с передней площадки до задней и вернуться обратно. «24-ка» — это комфорт и скорость, а значит, открываем одновременно переднюю и среднюю двери. Подъехал — нажал на кнопки — впустил — отправился дальше. В кабине на случай форс-мажоров всегда лежала катушка билетов — целая или «хвостик» от уже начатой. Если пассажиров было много, в игру вступал водитель и тоже принимал оплату.

Обычно ему щедро сыпали звенящую мелочь в заранее приготовленную экипажами плошку. Многие старались найти нужную сумму без сдачи. Но встречались и те, кто давал полтинники или сотни при стоимости проезда в 12 рублей. Таким наших мальчишек (и Антона, конечно, тоже) было не испугать.

На остановках или на светофорах дольше минуты — обязательно на «большом» ручном тормозе, ведь безопасность превыше всего! — они виртуозно насчитывали и протягивали сдачу. Потом, ближе к конечной, когда кондуктор наконец вырывалась из крепких объятий толпы и возвращалась к кабине, мужчины с еле скрываемым восторгом докладывали: «А я сегодня целых девять оторвал! Это куда больше, чем вчера!»

Если дорога была напряженной (пробки, аварии, метель), водители физически не успевали выполнять двойную работу. Тогда они «сигналили» светом в салоне. Как только в плафонах загорались лампочки, я понимала: пора включать режим «ледокола» и пробираться вперед сквозь десятки прижавшихся друг к другу пассажиров. Это был наш «тайный язык», которым никто не пользовался просто так. Одно из двух: либо нужно продать билет, либо что-то случилось с автобусом.

...В то утро и на «Глобус», и на «Нижку» (Нижняя Дубровка, вторая конечная «24-ки» — прим. авт.) мы ехали «битком». Ни разу за эти два часа у меня не было и секундочки, чтобы выгрузить тонну мелочи из кондукторской сумки. Даже ходить уже было тяжело — и, естественно, громко. За десять минут до конечной, едва мы повернули с проспекта Ленина на Верхнюю Дуброву, я подползла к кабине.

С грохотом плюхнула своё «добро» на крохотный столик над печкой и выдохнула. В три захода перенесла деньги в принесенные из дома «ведерки» от майонеза. Считать было некогда — хотелось немного посидеть и перевести дух. Но, как оказалось, до этого далековато.

На следующей остановке, «Парк Дружба», мы пристроились сразу за автобусом «17-го» маршрута. Ловить за ним было нечего — дорога совпадала один в один до самой конечной. Если кто и мог выбрать нас, то это с вероятностью 95% был бы пассажир с месячным проездным билетом. Вдруг Антон, обычно веселый и расслабленный, серьезно произнес:

— Так, телефон у тебя в сумке?

Не понимая, в чём подвох, я ответила:

— Да, всегда его там держу. Так удобнее же.

— Мигом клади в карман. Не положено.

Всё еще не осознавая, что происходит, я молча подчинилась. По сравнению со мной он был автобусным «ветераном» и явно лучше знал, что к чему.

К нам уверенным шагом направлялись две женщины. Рука Антона потянулась к красной кнопке слева, ближе к нему — значит, он планировал открыть переднюю дверь.

— Это к тебе. Первое боевое крещение.

Его слова прозвучали и как угроза, и как напутствие.

Когда дамы вошли в салон, я наконец поняла, что он имел в виду. Это были контролеры. Их задача — проверять наличие билетов, их соответствие (билет должен быть с текущего рейса, а не с пола автобуса или из кармана пассажира), а иногда и считать кассу. Последнее чаще всего практиковалось в отношении новеньких сотрудников. Что ж, я была в себе уверена, а потому совершенно их не боялась.

— Здравствуйте! Можно увидеть ваш билетно-учетный

лист?

Я максимально спокойно и вежливо поздоровалась в ответ. Затем достала сложенный вдвое документ из своего блокнота. Контролер Оксана, бегло прочитав серию и номер билетов, отправилась в салон к пассажирам. Ее напарница стояла в дверях и молча чего-то ждала.

На конечной Антон высадил всех и вышел из кабины, чтобы немного размяться. До старта оставалось минуты три или четыре. Наши гости, переглянувшись, отчетливо, но мягко сказали:

— Давайте кассу посчитаем?

Я кивнула и с готовностью протянула им рабочую сумку и несколько «ведёрок» с мелочью. Купюры зашуршали так быстро, что, казалось, вызвали настоящий ветер — по крайней мере, я явственно ощущала холодок на щеке. Тишину прервал голос одной из контролеров:

— Размен есть? Или выложили уже?

— Есть. Даже в учетке записано. 100 рублей. Пока не забрала и не вычеркнула, некогда было.

На большом чёрно-сером калькуляторе защёлкали кнопки.

— Всё в порядке. Плюс два рубля, но до двенадцати это считается нормой.

На душе стало удивительно легко — хотя в себе я и не сомневалась. Напоследок контролеры осмотрели сумку (очевидно, в поисках телефона или других посторонних предметов), и, ничего не найдя, попросили открыть им дверь. Мы тепло попрощались, а я повернулась к Антону — сказать «спасибо».

— Ты ведь мог и промолчать, не твой же «косяк» с этим мобильником.

— Я? Нет, не мог. Мы — команда, и это — мой долг. К чему лишние неприятности, когда можно жить спокойно и дружно?

Он подмигнул мне и ловко запрыгнул на водительское кресло. Автобус тут же отозвался своим ласковым «р-р-р-ру». А я окончательно убедилась, что Лена меня не обманывала, когда в красках описывала, что здесь не просто коллеги. Это семья, где принято друг друга поддерживать.

Глава 4. Машка, крепись!

Несмотря на мою искреннюю любовь к первой — или, как мы ее называли, утренней — смене, были и в вечерней очевидные плюсы. Особенно зимой. В морозы 2010-ых я ценила работу во второй половине дня гораздо сильнее, чем обычно.

Любой холод для меня был сродни пытке. Пальцы рук и ног (даже в самых тёплых сапогах) зимой неизменно замерзали, а как следует отогреться было некогда. Не успеешь устроиться на задней площадке у печки — а на ВР 877 они удачно располагались под рядом «неправильно развернутых» сидений — как сработает закон подлости. Это когда один или два пассажира, вошедших в салон, встают в середине у промёрзшего до узоров окна, ждут, пока ты подойдешь к ним и обилетишь, а потом быстро занимают нагретое тобой местечко — поближе к источнику тепла. Сложно было их за это винить, ведь люди приходили с улицы, где было еще холоднее. Но в глубине души, конечно, у меня время от времени проскакивало недовольство.

На низкопольных Мерседесах, каким и был мой первый железный друг, задняя часть салона всегда отапливалась в разы лучше. Там стояло больше печек. Судите сами: сразу две находились сзади и лишь одна — спереди, да и та у са-

мых дверей. Единственное место, где я могла полностью «оттаять», была кабина водителя. Там еле слышно шуршал довольно большой передний радиатор. Его силы хватало, чтобы обдуть мои ноги потоком теплого воздуха, когда я стояла за перегородкой. В особенно холодные дни я протягивала к нему и руки — они тоже мерзли.

Шла вечерняя смена очередного морозного дня. Людей в салоне уже не осталось, и наш автобус, закрыв двери, подъезжал к диспетчерской. Это была небольшая бытовка с парой окошек, стоявшая на конечной позади гипермаркета «Глобус». Она больше напоминала хозяйственную постройку, чем штаб автотранспортной компании. Посторонний наблюдатель вряд ли смог бы догадаться, что там, за тяжёлой дверью, кипит жизнь и решаются сотни важных вопросов. Именно туда звонили пассажиры, если теряли или забывали что-то в автобусе. Туда же бежали и мы — счастливые и не очень, полные сил и уставшие к концу смены. Огонёк внутри был нашим маяком и напоминал, что в темноте дорог и тишине улиц мы не одни.

К восьми вечера, когда самые пиковые часы были уже позади, на улице бушевала самая настоящая буря. Ветер выл и пронизывал прохожих до нитки. Ледяные снежинки падали за воротник и били наотмашь прямо в лицо. Сложно было даже стоять на месте и дышать. Но у нас вариантов не было.

Каждый круг (после возвращения с противоположной конечной) кому-то из экипажа следовало принести путевку диспетчеру, чтобы получить печать и отправляться работать дальше. Водители зачастую брали это на себя. Они, как галантные джентльмены, просто не могли позволить своим напарникам лишний раз зябнуть. Да и пройтись немного после вынужденной неподвижности было кстати: так ребята держали себя в хорошей физической форме.

Антоха уже взял в руки путёвку, чтобы пойти за печатью — и вдруг замер. В желтоватом свете фар я едва различила знакомую фигуру. Это была Елена Геннадьевна, наш диспетчер. От неожиданности и я, и напарник, не сговариваясь, присвистнули.

— Что-то стряслось. Она просто так не вышла бы, — заключил он.

— Сто процентов.

Я начала лихорадочно соображать, что же сделала не так. На кого-то накричала? Нет, рейс прошёл спокойно — не было ни одного недовольного пассажира. Хотят попросить выйти завтра на подработку? Но для этого не нужно идти на улицу. Достаточно позвонить или пригласить меня через води-

теля. Наконец мы заметили причину ее появления. В левой руке она держала две огромных таблички «Глобус — Энергетик», а правой прижимала к телу складную стремянку.

— Кто-то из «пятнашек» сломался. Доставай скотч — маршрутный указатель клеить буду.

Антон наглухо застегнул свою жилетку, натянул шапку и вышел из автобуса. Тогда над лобовым стеклом у нас еще не было надписи «БигАвтоТранс», к которой многие привыкли. Там находился трафарет с указанием номера маршрута и его промежуточных пунктов, крупный и яркий. По нему народ на остановке легко отличал нас в любое время дня и ночи. Почти всё время мы катались с гордым знаменем «24-ки», порой экипажи «дёргали» на другие направления, но случилось подобное редко.

Городской автобус Mercedes-Benz 0405N2, госномер ВР 877 33, маршрут «24». Фотография из архива автора

Вы только представьте: почти кромешная мгла (не считая яркого взгляда ВР 877), выюга и хлипенькая лесенка, на которую Антону предстояло подняться для замены маршрутника. Мы с диспетчером страховали его с обеих сторон, несмотря на его активные протесты. Через четыре минуты он спустился, взял график движения (а у «центровых» маршрутов он сильно отличался от нашего и был более размеренным) и открыл дверь автобуса.

— Прошу, мадам. После вас.

Я, успев порядком «задубеть», мигом юркнула в салон и схватила учетку. Предстояло сделать пометку о смене конечной остановки, а потом бежать к дверям — встречать заходящих. Трафарет-то мы повесили, но он не перекрывал «24-ку» полностью. Мне нужно было время от времени кричать: «По „пятнашке“, через центр», чтобы люди не забегали к нам в надежде добраться до улицы Горького. Вечер явно переставал быть томным.

Веселье началось еще на «Глобусе». Человек семь, увидев вдалеке «попку» автобуса с салатовым маршрутником «24-ки» (его заменить нам и в голову не пришло), вошли, заняли сиденья на задней площадке и, смеясь, достали булочки с мясным хлебом. Как раз в этот момент я вновь объявила: «Через центр в Энергетик, по Мира не едем». Реакция последовала незамедлительно:

— Куда, простите? Это разве не «24-ый»?

Я покачала головой и извинилась.

— Нет, подменный рейс до Энергетика.

— Черти что у вас тут. Жаловаться будем. Сзади написан другой маршрут.

Продолжая ворчать (в чём я их прекрасно понимала), они лениво стали поднимать свои сумки с пола. Еще секунд сорок ушло на то, чтобы они спустились к выходу. Антон уже собрался отъезжать, перевел взгляд на левое боковое зеркало — хотел убедиться, что путь свободен — и, не глядя в салон, нажал кнопку закрытия дверей.

— Эй, дебил, ты чего творишь? Совсем, что ли, слепой там? — раздался взбешенный крик пассажиров.

Дверь тотчас же открылась, и они покинули салон, щедро осыпая нас проклятиями. Можно и повежливее себя вести! Не каждый водитель ожидает, что кто-то надумает выходить, не проехав ни метра.

Я подошла к Антохе и хотела его подбодрить. Оказалось, что он, как профессионал экстра-класса, пропустил их слова мимо ушей, но захотел поддержать меня.

— Машка, крепись. Это лишь начало.

Надо сказать, он был прав. За час с небольшим пути мы еще не раз слышали, кто мы, откуда и куда нам стоит пой-

ти со своими переменами маршрутов. Что поделаешь? Такая она, доля автобусников — не только благодарности, но и недовольство. Но мы понимали, что это неизбежная часть работы.

Глава 5. С чего начинается утро автобусника?

Настоящий романтик скажет: с алых рассветов. Прожженный пессимист: с противной трели будильника. А реалист в моем лице будет настаивать на своей версии.

...Для большинства моих коллег день начинается с приветливой «дежурки», что мчит тебя в гараж.

Поначалу, буквально первые несколько месяцев, мне везло. Мы всегда начинали с «Глобуса», я жила в том же районе, и меня просто забирали по пути на конечную остановку. Но вскоре всё изменилось — и довольно резко.

Появился один из новых выходов. В несусветную даже для меня рань — в 05:45. Еще и с другого конца города — с Нижней Дубровы. Мне надо было вставать на два часа раньше, чем обычно. Степень отчаяния представили?

Но эта горечь быстро сменилась приятным послевкусием. Я смогла наконец познакомиться с миром «дежурок».

Начинала я маленькими шагами: сперва узнала у более

опытных коллег расписание. Для простых сотрудников было три рейса каждые полчаса — в 04:30, в 05:00 и в 05:30. Самих «служебок» было аж четыре — по две на каждый из больших спальных районов. Отправлялись они по «нулевым» и «получасовым» минутам, начиная с 23:00. Если нужно было уехать пораньше, то до одной из ближайших остановок каждый час «ходил» автобус.

Пустынные улицы. Ни души. Темень или предрассветные сумерки. Тишина, в которой отчетливо раздавалось собственное дыхание. В оглушительном молчании спящего города мелодия мотора звучала особенно громко. Ее было слышно издалека, едва ли не с самой конечной. Достаете телефон из кармана — точно по расписанию. 04:34.

Он летел к тебе, чтобы отвезти из мира людей в автобусный рай. Останавливался рядом и, чинно выждав пару секунд, распахивал переднюю дверь. Ты попадала в салон, где сидела пара-тройка таких же бедолаг — или счастливцев — как ты сама. Обычно это были водители, и, как правило, они разительно отличались друг от друга.

Были типичные «бодрячки». Такие сидели на третьем-четвертом ряду и оживленно обсуждали грядущий

день. Кого вырезать (то есть изловчиться и вырулить впереди него), за кем потащиться (пустить вперед и ехать помедленнее), на сколько минут раньше уйти с конечной, чтобы не попасть под длинный светофор на Пекинке. Могло показаться, что они строили стратегию компании на пятилетку вперед — настолько тщательно прорабатывали все детали.

Чуть дальше к хвосту автобуса тихо додрёмывали «совушки». Они успели совершить подвиг — встали с кровати, оделись и добрались до «дежурки». До полного пробуждения можно еще немного отдохнуть. Хотя бы десять минуточек!

На самых передних сиденьях располагались одиночки. Им не хотелось прятаться, но и участвовать в горячих спорах желания не было. Они просто смотрели в окно и мечтали о чем-то сокровенном.

А главный здесь — водитель. Он «докатывал» последние рабочие часы и с надеждой смотрел на золотые лучи восходящего солнца. Наше начало дня для него было красивым финалом непростой смены. У него неизменно играло радио, чтобы не заскучать. На столе стояла пустая чашка. Рядом с трафаретом «Дежурный» лежали плоски для мелочи, калькулятор и путевка.

Зачем ему столько вещей? До ночной развозки коллег он

успевал покататься по маршруту, на пригородных направлениях вроде Вяткино или Ново-Петрово. После двух рейсов в роли «такси» — то есть глубоко за полночь — возвращался в гараж и, скорее всего, отправлялся к ночной ремонтной бригаде за помощью. Дежурный и его автобус — надежда не только для сотрудников, но и для пассажиров межгорода. Утром в графике значился рейс в Гусь-Хрустальный или Вязники. И поэтому нужно было обязательно находиться в строю. Об этом заботились слесари и механики, пока сам водитель, жадно глотая остывающий кофе, протирал панели и стекла.

Мы пролетали весь маршрут минут за пятнадцать и оказывались на 2-м Почаевском проезде — там, где мирно спали двенадцатитонные разноцветные машины. Когда салон «дежурки» пустел, она, рыча коробкой, поднималась чуть выше, разворачивалась и плавно спускалась к воротам «БигАвтоТранса». Ближе к шести утра автобусы выстраивались в элегантный ряд вдоль дороги, а водители шли на пересменку в диспетчерскую.

Отработавшие ночь расписывались в путевках и, передавая эстафету своим дневным сменщикам, ехали домой отдыхать. Их напарники всего через час или два должны были горделиво разъезжаться от разных платформ владимирского вокзала. Но вечером они снова встречались в гараже, откуда от-

дохнувшая вторая смена забирала сотрудников и развозила их по домам.

А что тогда делали те, кто уезжал из гаража не темной ночью, а вечером — скажем, в 20:00? «Дежурка» везла их лишь до площади Ленина. Там они ждали нас — или любой другой автобус «БАТа» подходящего им маршрута.

Экипажи отлично знали время прибытия «служебок», а потому толпа коллег никого не удивляла. Напротив — приятно радовала. Это было настоящее столкновение разных реальностей в одном салоне. Водители обычно стекались ближе к кабине, чтобы поделиться впечатлениями прошедшего дня, а кондукторы рассаживались на сиденьях после тяжелой смены на ногах. Скажу по секрету — на линии мы порой намеренно тормозили у светофора, если «дежурка» не успевала проскочить. Графику не вредило, а людям нравилось — не приходилось ждать лишние пять — семь минут. Даже от этого могло зависеть многое.

Глава 6. Без фамилий: код доступа

— Антон! Слушай, а как у нашего Саши-сменщика фамилия?

Я держала в руках маленький красный «Самсунг», намереваясь сохранить новый номер в записной книжке.

— В путевке посмотри, там написано. Только зачем тебе это? — не поворачиваясь, ответил мне водитель. Пару остановок назад он наконец обогнал автобус «23-го» маршрута, который откровенно спал на всех светофорах. Мы постоянно упирались в него, а потому, как говорится, просто хлопали дверьми, напрочь лишенные пассажиров. Теперь, когда мы оказались впереди — Боже, храни резвые Мерседесы! — Антон сосредоточенно «учил» конкурента взаимности на линии.

Главная заповедь транспортников (даже из разных компаний) звучит так: «Не наглей». Именно это знание и закреплялось видом нашего симпатичного задка. Вдруг ехавший следом экипаж как раз мечтал выучить наш госномер наизусть?

Я выудила из папки с документами заветный белый листочек. Там и впрямь были наши фамилии и инициалы. То,

что нужно! Я спешно набирала буквы, когда Антон повторил свой вопрос:

— Ты не ответила — нафига тебе его фамилия?

— Как это? Сохраню номер, запишу как полагается.

— Ага. Как в школьном журнале. Здесь такое не прокатит, — к нему вернулся молодецкий задор и отличное настроение. А кому бы не понравился висящий на хвосте пустой конкурент?

— Но как же тогда?

— Саша 877. Или Санёк 877. Можешь и Александром 877 назвать. Имен много, ставь любое. Он точно не обидится.

Звучало логично, но было в этом какое-то... бездушие, что ли. Мне, по крайней мере, показалось именно так, что я и поспешила сообщить Антохе. Он лишь рассмеялся в ответ.

— Да чего я такого сказала-то? Заливается он, видишь ли!

— Молодо-зелено. Пока ты новичок, память у тебя работает как часы. Ты можешь запомнить десяток-другой человек по имени и фамилии, но поверь старичку дорог — на-

долго тебя не хватит. Начнешь путаться, забываться, в итоге позвонишь не тому. Зачем так сложно? Забей сразу с номером машины. Вернее будет.

— Хорошо. Попробую.

Мы как раз доехали до конечной, и Антон вышел из кабины. Даже когда у нас оставалась лишь пара минут на отдых, он непременно разминался — ходил по салону, подметал полы или протирал зеркала на улице. Говорил, что устает от однообразного положения и хочет побольше двигаться.

Мне бы его проблемы... Я, наоборот, только и мечтала комфортно расположиться на сиденье — что и сделала. Печатать имена в таком положении оказалось гораздо удобнее. Пока на экране одна за другой появлялись буквы, за моей спиной возник вездесущий напарник.

— Ты совсем меня не слушаешь! Говорю же, пиши — Санёк 877. Это сейчас у тебя один знакомый с таким именем. А дальше что будешь делать? Саши есть на 916-м, 120-м, 922-м и еще Бог знает на скольких автобусах. И это только на «24-ке»! А потом пополнится твоя коллекция людьми из других автоколонн. Что тогда?

И правда. Антон говорил дельные вещи, а я на пустом ме-

сте раздула из себя королеву драмы. Даже количество Лен и Маш среди моих ближайших коллег говорило в пользу связи «человек-автобус».

— Исправила. Видишь? Доволен теперь?

— А то! Доставай ванильные баранки да поехали. Не то сейчас опять этот ушлый «23-й» перед носом проскочит.

Да, пора было и честь знать. Выход в тот раз нам попался просто «сказочный». Из тех, где героям уготовано по тридцать три испытания, и пока они их не пройдут, сокровища султана (а в наших реалиях — выручку) не получают.

Зачем я вынесла разговор об именах отдельно? Это огромная часть жизни любого транспортника. Номер машины, на которой работаешь — условно-секретный код. По нему за секунду вспоминаешь человека. Порой в нем хранится больше информации, чем в паспорте — причем обязательно нужной.

Женя 565. Перед глазами — образ невозмутимого ухоженного мужчины лет 37. И рядом — его узнаваемый красный Мерседес с желтыми противотуманками и «европане-

лю». Первый такой автобус в компании, кстати.

Кристина 201. Сразу видишь высокую обаятельную девушку, про которую всегда говорили «душа компании». И в переносном смысле — как про энергичную веселую хохотушку, и в прямом — как про сотрудницу, которая «болела» за свое дело и весь «БигАвтоТранс».

Эдик 269. За этими символами кроется остроумный водитель в очках и с беззащитно-детской улыбкой. Немного шептун, слегка гонщик, но только во имя великой цели — собрать побольше билетов за рейс.

Настя 963. И в мыслях сразу появляется заметная рыжеволосая девчушка с ангельским личиком и боевым характером, которой всё было нипочем: и толпа в автобусе, и пьяные пассажиры.

В телефонах работников «БАТ» — десятки подобных примеров. Несколько символов, три циферки — а память включается молниеносно, как если бы водитель прожал кикдаун под педалью газа. Вспыхивают кадры: имена, разговоры, те испытания, которые экипаж проходил вместе со своим кормильцем. Но это уже тема для научной диссертации в каком-нибудь Университете Стратегии владимирского транспорта. Думаю, я бы с радостью однажды такую защитила.

Глава 7. Саш, переключай!

Вот не зря я «забила» номер сменщика в телефон. Диспетчер попросила выйти с ним на подработку — моя напарница Рая приболела. И отпросилась часов в восемь вечера, когда желающих подменить нашлось бы примерно ноль. Кому же было звонить? Конечно, кому-то из «родного» экипажа.

До этого я никогда не работала с Сашей — да и вообще в его смену — а потому с радостью согласилась. Всё, что я о нём знала — он невероятно общительный и всегда добирается на работу только на своем автобусе. Собственно, так и познакомились. Обычно он сидел на «козырном» переднем кресле — почти весь маршрут от одной конечной до другой.

Мне Саша казался таким старшим братом — прежде всего из-за разницы в возрасте. Когда тебе 19 лет, все, кому перевалило за 25, выглядят едва ли не пенсионерами. Между мной и Сашей была настоящая пропасть лет в 10 или около того. Именно поэтому я поглядывала на него с каким-то особенным уважением.

Авторитета добавляло и крутое для меня сочетание имени-отчества. Вы, наверное, уже догадались, о чем я. Звали его Сан Санычем, и в моих глазах он был местным «началь-

ником на минималках» — инициалы полностью совпадали с именем-отчеством нашего шефа.

За те пару месяцев, что я была частью их автобусной семьи, я ни разу не слышала о Саше ничего плохого. Это означало, что он достойный человек: и как водитель, и как напарник. Что ж, теперь и мне предстояло выяснить, как ведет себя за рулем этот харизматичный мужчина в болотной куртке и ярко-красной шапке.

Я вышла из «дежурки» и двинулась в сторону стоянки. Темноту промозглого декабрьского утра нарушали два ярких желтых маячка — фары Мерседеса 877. В кабине горел свет. Водитель сидел на своем троне и, завидев меня, опустил правую руку к приборной панели. Раздался фирменный тихий щелчок, и дверь открылась.

Внутри приятно пахло одеколоном. На столике лежала папка с документами и путевкой. Антоха обычно сразу прятал ее в специальный кармашек сбоку. Магнитола бормотала что-то невнятное. Судя по биту, это был какой-то андеграундный рэп. Смело. Мы такое осуждаем внешне, но внутренне принимаем с интересом.

— Что, не дали тебе пивка попить спокойно? — Какое интересное у него «Привет». Но и моё ничем не уступало.

— А я совмещаю. И удовольствие, и денежка в кармане будет.

Судя по выражению лица, он оценил мой юмор.

— Не смущает музыка? А то я не фанат радио. Да и хрипит оно у нас. Флешка лучше.

— Да на здоровье. А матерщина там есть?

Повисла небольшая колючая пауза. Видимо, он пытался осмыслить, зачем мне это в начале шестого утра.

— Встречается. Но я точно помню, в каких треках, и переключаю.

Какая сознательность! Это легко объяснимо — на подобный репертуар могли пожаловаться. Один звонок, и ты на мушке. А руководство вряд ли выписало бы за это почетную грамоту.

— Отлично. Тогда за пультом диджея сегодня у нас Саша. Погнали работать, что ли?

Он одобрительно кивнул и снял автобус с ручника. По салону прошла едва заметная вибрация, и кормилец повез нас в сторону Нижней Дубровы.

Утренний час пик пролетел штатно. Когда основной поток пассажиров снизился, а деньги в кондукторской сумке были разобраны по номиналу, у меня появилась лишняя минутка. Можно было не спеша понаблюдать за напарником. Саша держался за рулем уверенно и слегка небрежно, но это лишь добавляло ему шарма. Братство их смены показалось мне более размеренным по сравнению с нашим. У нас ребята старались где-то пораньше выскочить, где-то — поскорее пролететь. Здесь такого не было совершенно. Скорее, наоборот — экипажи словно спорили с аксиомой о «вечном двигателе 24-ки».

Плавные движения, «зависания» на долгих светофорах, вальяжная швартовка у остановок... В этом чувствовалась особая манера поведения. Даже конкурентов Саша обгонял с каким-то притягательным изяществом. Не резко, не нагло, не на спуске, а словно выруливая из-за них. Так и проявляется истинная мощь — когда стремишься к лидерству и сохраняешь лицо.

Я по привычке вглядывалась в проезжавшие навстречу

Мерседесы, чтобы поприветствовать коллег. Но всякий раз, поднимая руку, тут же ее опускала. Я работала не в своей смене и мало кого здесь знала. Автобусы те же, но люди были другими. С нашими мы частенько перебрасывались «приветами» в эфире Динамит. ФМ — отправляли СМС на номер радиостанции, и их зачитывал диджей. Что-то в духе: «Народ с „24-ки“, всем легкой смены от 877». Здесь же мне и помахать в знак приветствия оказалось некому. Одиночество в толпе — и буквально, и фигурально.

Мой железный друг и то преобразился. Его голос начисто лишился романтики и кокетства. Зато приобрел суровость, за которой чувствовалась вся сталь характера. Вместо «у-у-у-урк» он издавал чуть слышный «врум». Вроде и близкий, но такой далекий. Автобус Шрёдингера просто.

А самое горькое — никто не играл со мной в рабочие «гляделки» в салонное зеркало. Я успела привыкнуть к тому, что Антон часто искал меня взглядом — например, чтобы позвать на помощь или сообщить, что в переднюю дверь кто-то вошел. Саша этим секретом не пользовался. Если ему что-то требовалось, он звал меня по имени либо включал и выключал свет в салоне.

Увлеченная размышлениями, я не сразу заметила, что на улице Горького нас поджидала целая толпа, человек двена-

дцать. Для «полусонных» дневных рейсов — неприлично много. На каждой остановке пассажиров прибавлялось, и к «Бассейну» мы подъехали практически «битком». Я стояла на задней площадке и считала заходящих, попутно загибая билетки — контролировала, не пропустила ли кого.

Сзади меня освободилось место, и парнишка напротив кивком головы попросил его пропустить. Пришлось максимально сгруппироваться и, поднявшись на подиум у «неправильно развернутых» сидений, освободить проход.

В динамиках на стене раздалась уже знакомая мне мелодия. Это был Сашин рэп. Мамочки! Там же примерно на первой минуте сразу два крепких словца. Он что, не слышит? Выждав для верности секунду-другую, я поняла: водитель и не думал переключать трек. Это грозило катастрофой. Церемониться было некогда. «Простите!», «Разрешите!» — примерно с такими словами я протискивалась вперед и уверенно шла к кабине. Со всех сторон протягивали мелочь за проезд, но я упорно двигалась к более важной цели.

Счет шел буквально на мгновения. Через пару строк должен был прозвучать наш приговор — иронично, но это было как раз ругательство на букву «П». Вполне отражало ситуацию!

Кое-как дотолкавшись до кабины, я скользнула за перегородку и срывающимся голосом сказала:

— Переключай! Саш, пора!

Вздрагнув, он вернулся в реальность. Успели вовремя! До лингвистического взрыва оставался шаг величиной с игольное ушко.

Переключив песню, Саша почти накатом приблизился к светофору и с облегчением выдохнул:

— Вот спасибо! Я и забыл. Увлёкся малость.

Пока он ловко входил в поворот, слегка наклонив двенадцатитонную машину вправо, я, сместив центр тяжести влево, пошла собирать дань. Точнее, денежку за билеты. Из колонок мурлыкало «Русское радио», где Николаев пел про «пять причин». А я для себя поняла всего одну истину. Экипаж — это не фамилии, стоящие рядом в путевке. Это единый организм, где все готовы прикрыть друг другу спину в нужный момент.

Глава 8. Необычные знакомства

Когда ты — работник транспорта, жизнь течет иначе. И дело не только в графиках, ранних подъемах и дисциплине (хотя, разумеется, в них тоже). Буквально всё, к чему ты привык, за воротами автопарка выглядит и чувствуется не так.

Например, знакомства. Думаете, водители и кондукторы начинают издалека, как в фильмах? «Привет! Меня зовут Маша. Я вот на „24-ке“ с Антохой работаю. А ты?». На это банально нет времени, а иногда момент не располагает. Своих просто запоминаешь при любом удобном случае: «Смотри, Настюха с 820 „сдаваться“ пошла, еле сумку тащит — наверное, целую тысячу сегодня с Костиком насобирали!». В общем, собранно и по-деловому. Но бывают исключения из правил.

Я пришла на пересменку около двух дня — это самый час пик для нашей диспетчерской. Сдавали и принимали пост десятки экипажей со всех маршрутов до «Глобуса». Галдеж стоял, как на рынке-«толкучке» в выходные. Слышно было одновременно всех и никого.

Слева оживленно спорили, как лучше быть с конкурентами с «18с» — «вырезать» или пустить вперед и оттянуться. Справа — обсуждали, насколько бумажные «десятки» удобнее железных. Хотя вторые, несомненно, выглядели прикольнее и необычно. И в этом хаосе голосов изредка доносилось: «Ребят, я из-за вас в трубке ничего не слышу! Давайте чуть потише!». Гул немного стихал — вернее, перемещался на улицу. Там можно было продолжить дебаты с новой силой.

Мое появление прошло бы незаметно, но... Буквально накануне я приняла волевое решение сделать каре вместо косы до пояса. Едва я появилась в дверях, раздался возглас со стульчика: «Ты зачем волосы обстригла?». Обернувшись, я увидела симпатичную девушку примерно моего возраста. Она смотрела на меня широко распахнутыми карими глазами — с паникой и интересом. Это была моя замечательная тезка — тогда она работала на «22» маршруте.

Признаться, я ей немного завидовала. Самую капельку. И то лишь потому, что они ездили через центр. Я скучала по нему на «24-ке» в те редкие минуты, когда в салоне не было толпы пассажиров. Но едва нас ставили на это направление для замены кого-то из местных, мне хватало пары кругов, чтобы насытиться их чопорным спокойствием и... затосковать по бурной жизни на Мира и Горького.

— Как зачем? Работать мешают, таскать тяжело, — засмеялась в ответ я. — Да ты и сама знаешь, как дорого содержать такую красоту. Никакой зарплаты не хватит!

На ее лице появилась мягкая улыбка.

— Но тебе так шли длинные волосы, хвостики, комелечки! Мне что, одной теперь с таким богатством ходить?

— А ты посмотри с другой стороны. Будешь единственной и неповторимой! Раньше мы эту пальму первенства делили, а теперь все лавры твои.

В ее взгляде появился азартный девичий огонек, и я поняла, что мои слова угодили в точку.

— Звучит круто! Но волосы твои всё равно жалко. Они очень мне нравились.

Что ж, скажу честно — было очень приятно это слышать. Знаете, подобный обмен комплиментами дарит заряд оптимизма. Именно после того разговора мы начали чаще общаться, потом — встречаться вне работы, а позднее и вовсе стали хорошими подругами. Такими, которые на века.

Второе нестандартное знакомство случилось в кассе. Почти в полночь. Жаль, что не в новогоднюю, а то я точно подумала бы, что это наша судьба — остаться в жизни друг друга надолго.

Я уже «отстрелялась» и складывала скромные пожитки в бездонную дамскую сумку. Сзади кто-то легонько похлопал меня по плечу.

— Привет! Ты ведь Маша с 877?

Интригующе. Я что, местная знаменитость? Вроде не успела нигде настолько нашкодить.

— Привет! Ну да. Что-то случилось?

На меня искренними глазами смотрела симпатичная блондиночка лет 25. Я определенно ее где-то видела. Либо в «дежурке», либо здесь же, в месте, куда стекается вся дневная выручка.

— Пойдем сегодня домой вместе? Я же знаю, ты в моей стороне живешь.

Точно! Это она на днях летела за мной по пятам, когда мы вышли из автобуса после работы. Я была злая, уставшая, и мне совершенно не хотелось ни с кем разговаривать. Но упрямства в коллеге оказалось под стать моему, если не больше. И она шла со мной метров пятьсот, пытаясь то что-то спросить, то рассказать.

Я успела запомнить, что она работает на «двадцатке» — пожалуй, наиболее «безобидной» из всех, вместе со спокойным и совершенно не алчным Андреем. Сплошное удовольствие было ехать что перед ним, что после. Он не подгонял и не «резинил», то есть не старался намеренно медленно ехать по маршруту, чтобы сзади идущий автобус остался совсем без выручки.

— Пойдем, если хочешь. Только собеседник я так себе. Еле ноги волочу, а еще завтра работать.

— Мне тоже. И вообще. Давай дружить?

На минуту мне показалось, что я очутилась в невысокой песочнице с разноцветными бортиками, и самая активная девчонка предложила поиграть с ней в куклы. Как можно было отказать этой очаровательной простоте?

В уютном коричневом МАНе, который вез нас вдоль ноч-

ных улиц, мы разговорились. Я наконец узнала ее имя. Оно было таким же нежным и сказочным, как она сама — Жанна. Жили мы и впрямь почти по соседству. И ее желание ходить вместе было более чем понятно — вдвоем безопаснее. И теплее — особенно на душе.

Знакомство с ней стало, пожалуй, самым трогательным в моей жизни — и я искренне рада, что в тот день наши параллельные прямые пересеклись.

Я тоже была мастером по налаживанию связей с коллегами. Правда, пользовалась этим даром редко — и только с людьми, к которым меня тянуло как магнитом.

В тот раз мне нужно было добраться до диспетчерской пораньше, и ждать на остановке «своих» я не стала. Прыгнула в подошедшего «белого лебедя» с ярко-красными полосками на «юбочках» — автобус «22» маршрута.

Только я полезла в карман за салатовым рабочим пропуском, как кондуктор, симпатичная темноволосая девушка, замахала руками и закивала головой. В нашем слаженном коллективе это означало: «Не показывай, я тебя знаю». Похоже, моя физиономия действительно примелькалась, раз даже

«смежники» перестали спрашивать документы.

На конечной, когда народ освободил все серенькие сиденья-диванчики, я подошла к кабине, чтобы проехать с коллегами до диспетчерской. Она была чуть дальше, метрах в пятиста от остановки. Когда я поравнялась с кондуктором, то услышала характерный «блям-блям» ее телефона. Так приходили сообщения в «Одноклассниках» (мне ли, как всегда, гдатею соцсетей, было не знать...).

Сама не понимаю, почему, но я тут же выпалила:

— О, ты тоже там есть? А можно я добавлюсь? Как тебя найти?

Ей-Богу, если бы только я могла передать ее реакцию! Я бы посвятила этому целую главу. Это было так искренне! В глубоких серо-зелёных глазах читалось всё: от полного недоумения и женского любопытства до возмущения в духе: «Чего это она лезет?» Отдам должное ее выдержке. Мне она лишь задорно ответила:

— Да не вопрос. Елена я. Можешь посмотреть в друзьях у кого-нибудь из наших. Я там на фото в футболке и джинсах.

— Классно! Спасибо!

Я вышла из автобуса и потопала к диспетчеру, чтобы подышать в стаканчик — это была обязательная процедура перед началом смены. Спорю, Лена в тот миг подумала, что на «алко-проверке» меня развернут — уж очень прямолинейно я себя проявила в общении! Но самое любопытное, что мое странное поведение перетекло в километры взаимной переписки в соцсетях, а со временем — и в крепкую дружбу.

Отдельного внимания заслуживают душевные моменты: когда коллеги, о которых ты думала: «Ой, они меня точно не знают!», на самом деле оказывались чуткими и наблюдательными.

Как-то в день зарплаты я решила «затесаться» в толпу кондукторов. Они стояли у входа в контору, весело щебетали о нелегкой доле и курили. Мне так хотелось быть «своей», что я по-простецки подошла и сказала: «Девчонки, будет у кого закурить?». Одна девушка помотала головой, другая с готовностью потянулась за пачкой. И только Катя с 552-й «24-ки» (с которой мы почти никогда не пересекались ни на линии, ни после смены) громко воскликнула, глядя на протянутую мне сигаретку:

— С ума сошла? Она же не курит! Не давай ей ничего.

В этих словах было столько искреннего человеческого участия! Вдумайтесь: мы не дружили, не созванивались по работе, а она не просто знала обо мне многое. Она позаботилась обо мне, как старшая сестра. Я до сих пор помню даже ее интонацию — настолько она пронзила мое и без того впечатлительное сердечко.

Правда, месяц или два спустя я всё-таки угостилась сигаретой — уже в другой компании. Такая она, упертость. Особенно моя. Но минуты, когда Катя мужественно оттолкнула протянутую руку с отравой, чтобы она не досталась мне, на многое открыли мои глаза.

С особой ностальгией я вспоминаю, как поразительное внимание к деталям проявляли водители. Вот один из примеров.

Я жила почти посередине между двумя остановками. И выходила на той или другой в зависимости от времени года. Зимой на дальней — чтобы побольше погреться у печек наших гордых «дежурок» и добраться до дома там, где всегда светили фонари. Летом же я выскакивала пораньше. Хоте-

лось прогуляться и подышать воздухом после «жаркой» во всех смыслах смены.

Однажды, когда я уже готовилась на выход, меня окликнул Дима с 430-й «24-ки».

— А куда это ты собралась? Еще не твоя остановка! — он улыбался, но его голос звучал слегка настороженно. И, конечно, не без мужской любознательности.

— Я постоянно так делаю. В холода еду подальше, чтобы в горку не тащиться. Там же, наоборот, спуск. Удобно плюхнуться на попу и катиться вниз. А сейчас можно и наверх побегать.

Никто из сидевших спереди не удержался от хохота — в том числе мой собеседник. Он легонько помахал рукой мне на прощание и добавил:

— Удачного покорения вершины! И папе привет передавай. Давненько его не видел.

Это, кстати, особая гордость — быть потомственным автобусником. Поначалу кажется, что тебя воспринимают лишь как «дополнение» к человеку, которого уже знают, и это обижает. А потом понимаешь, что на самом деле это

— способ проявить уважение к династии и традициям. В «БигАвтоТрансе» всегда было много семейных подрядов — и мужских, и женских, и смешанных, когда люди работали вместе целыми поколениями. Это делало нас еще более сплоченными, превращая коллектив в одну большую семью.

Глава 9. Эй, с «резерва»!

Это была вечерняя смена на «24-ке». На улицах Мира и Горького бушевали дикие пробки, из-за чего мы носились «с разворота» (без возможности постоять на конечной) по меньшей мере два круга. Лишь к позднему вечеру поток машин, кажется, рассосался, и мы наконец-то смогли немножко выдохнуть. Больше всех этому обрадовался Мерседес. Его АКПП часа три ревела почти на пределе, а сейчас ей позволили успокоиться. В знак благодарности железный малыш сделал пару реверансов на ближайшей остановке — сначала чуть упал направо, затем тут же выровнялся.

Я стояла у кабины и с надеждой вглядывалась в салон. Двое парней прямо в дверях показали проездные «БигАвто-Транса» и прошли на заднюю площадку. Больше никто ехать не хотел. Оно и понятно — за пару минут до нас «18с» успел «пропылесосить» все остановки и увезти людей с живыми деньгами. Ждать у моря погоды — а точнее, у тротуара пассажиров — было бесполезно. Антон вздохнул, уверенным движением руки закрыл дверь и, лениво начав движение, вдруг пробормотал:

— Тут такое дело. Я на завтра отпросился.

Я даже не сразу поняла смысл сказанного. Когда работа течет в круговороте 4-2-4 (четыре дня первой смены, два выходных, четыре дня второй смены), ты намертво к этому привыкаешь. Кажется, что так будет вечно. Ни ты, ни напарник, ни автобус не станут болеть, бастовать или брать лишний день отдыха.

— Что? Почему? А я?

Ха, спорю, в этот момент он подумал: «Эх и капризный ребенок мне в кондукторы достался. За какие грехи?»

— Дела есть, не успеваю решить никак. Сан Саныч в курсе, отпустил.

— Хорошо, конечно. А кто вместо тебя выйдет? — Женское любопытство, чтоб его. Антон молчал. Чем хотите клянуться — специально. Я начала закипать и нетерпеливо застучала ручкой по столу.

— Ладно, остынь, не будь как чайник на плите! — Вот! Я же говорила! — Только Димка с «резерва» согласился. Ты ведь с ним знакома?

И да, и нет. Это был тот вопиюще-редкий случай, когда мы успели познакомиться в жизни, но не в работе. Време-

ни не было, да и автоколонны разные. Будет любопытно посмотреть на него за рулем нашего 877.

Я уже знала, что Дима аккуратный и внимательный со своим «орлом» 927. Будет ли он таким же на «24-ке»? Это же маршрут-ураган. Здесь нет места раздумьям и промедлениям. С другой стороны, Дима с «резерва», а это спецрейс, где готовы ко всему.

Они легко могли начать работу с поездки в Бараки, с вокзала уехать на «Глобус», чтобы «прикрыть» спину попавшего в ДТП «11с», а уже с полудня грациозно рассекать по просторам Заклязьменского или Лунёво. Что ни день, то приключения. И огромная ответственность, само собой.

Их могли «снять» с «гражданских» направлений буквально посередине пути, чтобы заменить кого-то еще более стратегически важного, но вышедшего из строя. Это случалось редко, но, как говорится, метко. Значит, было что-то экстра-серьезное — иначе никто бы не стал доставлять пассажирам неудобства.

Словом, Дима был стреляным воробьем с привычкой абсолютно к любому ритму. Но справится ли он с моим огненным характером? Этот вопрос повис в воздухе. Думаю, для Антохи тоже, он просто не осмелился его озвучить.

Я появилась в диспетчерской за четверть часа до отправления. Первым, что я услышала, было: «Машка, а я ведь сегодня с тобой! На 24-ке!». Такое приветствие определенно мне польстило. Вряд ли восторг у Димы вызывала смена конкретно со мной, но маршрут его явно вдохновлял.

Я тут же вспомнила своё «Вау!», когда впервые вышла на работу. Знакомое теплое чувство. Но у меня оно тогда обернулось локальной катастрофой. Будет ли сегодня нечто подобное? Надеюсь, что нет.

Я лукаво прищурилась и парировала:

— Ха. Силёнок-то хватит? У нас не «11с», где дольше едешь — лучше людям.

— Сомневаешься? А я докажу.

Внезапно послышался голос Елены Геннадьевны. Ей и так «доставалось» на пересменке — ни минуты покоя, сплошной гвалт — а тут еще мы решили остроумием померяться.

— Да будет вам. Сменщик путевку уже несет. Давайте в

автобус скорее.

Такое начало определенно внушало оптимизм, но спорить с ней не решился ни один из нас. Уже подходя к моему бело-снежно-полосатому любимцу, я услышала отчаянный крик диспетчера:

— Ребя-я-я-я-я-та! Стойте!

Она стояла на улице и размахивала руками. В них был какой-то листочек. Мы что, документы не взяли? Я перевела взгляд на Димку. Да нет, все при нём — под мышкой виднеются. Что же тогда? Я ринулась к ней.

— Стряслось чего?

— Ещё как! Давайте в Спасское, а? Дима у тебя всё знает. Там, правда, уже две минуты опоздание, но он сейчас быстро нагонит. Опыт есть.

Делать было нечего. Я крикнула, что было мочи:

— Эй, с резерва!

Он тут же выглянул в форточку.

— Чё орешь?

— Принес нам сюда свою ауру. На «22-ой» едем. Сейчас трафареты притащу.

Его глаза закатились так громко, что слышно было даже в конце стоянки. И я его понимаю — пришел вкусить «24-ку», а с ним обращались как в обычные рабочие дни. Нагони, замени, выручи.

Побежала обратно за расписанием и табличками. Вернулась. Опоздание увеличилось до 4 минут. Но Дима не хуже меня знал, что для 877 это не проблема. Один-два участка дороги в режиме «педаль в пол», и мы в графике.

На «центре» это было архиважно. Между автобусами разных маршрутов соблюдалось примерно равное расстояние. Особая четкость — чтобы обидно никому не было. Но даже одна минута сверху нарушала привычный ритм, и всё сыпалось, как карточный домик от ветра.

Я носилась с передним и боковым трафаретами, пока Мерседес на всех парах подлетал к конечной у гипермаркета. «Вот так ничего себе!» — промелькнуло в моей голове. Впечатление, будто полчаса автобусов не было. Никаких. Это мы удачно попали!

Двери пшикнули, распахнулись, и десятки людей ворвались в салон, соревнуясь за лучшие места. Мне повезло — я стояла прямо рядом с Димой, поэтому цунами обошло меня стороной. Почти. Только я этому порадовалась, как водитель открыл переднюю дверь, и туда, ворча пятиэтажным матом, вошёл пожилой мужчина.

Бросив взгляд в зеркала, мой напарник нажал на газ. «Бонг» немецко-владимирского разлива пошёл на взлёт! Пора было и мне выдвигаться.

— Тут без сдачи! — Тот самый недовольный пассажир небрежно швырнул в мою протянутую руку горсть мелочи весом полкило, не меньше. Думал, я на слово поверю? Увы, но нет. Не знаю, специально ли, но в своих двенадцати рублях он собрал все существовавшие тогда монеты. Даже 1 копейку, которую я лично пару лет не видела. Я считала их до самого поворота до Безыменского.

Уже на светофоре я решила оглядеть салон — вдруг кто-то собирался выходить на первой остановке? И не ошиблась. Трое. Так, планы меняются. Подожди, милый дядя с железяками. Я извинилась и резко направилась напрямик к ним.

— Нам два. Мы уж думали, вы не подойдете, — не без

обида заметила женщина. Да, такие мы, кондукторы. Меркантильность — главное качество для желающих сюда устроиться. Мы и тест такой при приеме на работу проходим. Правда-правда.

— Один. Но вы не успеете мне сдать с «сотки». Я уже выхожу.

Это он меня на слабо взял? Ну-ну. Автобус поворачивал, и до остановки было еще порядка двухсот метров.

— Дим! Не открывай пока дверь, пожалуйста.

Молниеносно отсчитав восемь «десяток» и четыре «двушки», я с победной улыбкой произнесла:

— Пожалуйста! Ваша сдача и билет. — И, уже направив взор в салонное зеркало, добавила: — Теперь можно.

Пока эта троица желала мне здоровья незлым тихим словом, я поспешила к самому первому мужчине. Его денежки я так и держала в левой руке, а потому монетки успели стать липкими. Но я упорно считала. Наконец выдала:

— Еще двадцать копеек. Здесь одиннадцать восемьдесят, а проезд у нас двенадцать рублей.

Меня удостоили презрительного «Фррр».

— Быть того не может! Считайте еще раз.

— С удовольствием. При вас.

Я считала и показывала ему каждую новую «медяшку». Снова не сошлось. Не хватило тех самых двадцати копеек.

— Ой, вечно эти ваши фокусы! Держите, — он протянул мне 50 рублей. Другое дело! Обилетив его, я поспешила назад. Нужно было усиленно работать.

Несколько остановок спустя поток пассажиров спал, и я вернулась в кабину. Следовало добавить немного размена. Когда я подошла, Дима о чем-то сосредоточенно думал.

— О, Машк! А в вашей смене на 590-м «25-м» кто?

Какой любопытный вопрос. Ткну пальцем в небо.

— Водитель. И с вероятностью 98,5% — мужчина.

— Спасибо, блин! Боря или Саша?

— Да откуда мне знать? Они же из другой автоколонны!

— Ладно. А на 918 сегодня кто работает? Это ваши, ты не можешь не знать.

— Андрюха.

— Отлично. Значит, на «25-м» Боря.

Я смотрела на него как на огромную вычислительную машину и пыталась понять замысловатую логику. Тем временем мы остановились на «красном», и Дима вытащил телефон.

— Борь, приветствую! Дима 927. Да, он самый. Я тут сегодня на другой машинке, меня отправили пятым выходом «22-го». Лечу с опозданием. Пропусти меня на Добросельской, будь другом! Я улечу сразу, не буду тянуться. Вот спасибо! С меня магарыч!

Он не обманул. 877 в жизни так не набирал скорость — или просто необходимости не было. В его голосе слились одновременно нежность, азарт и страсть. Интересный мотивчик получился.

Когда мы наконец нагнали опоздание, я задала Диме во-

прос, над которым ломала голову.

— Так зачем ты про Андрея спросил?

— Смотри. Я же работаю «два через два», а потому не сразу понимаю, кто из «четырехдневок» в утро, кто — в вечер, а кто вообще на выходном. Антон сказал, что у вас сегодня «крайняк». Значит, у центра — третий рабочий. И такими несложными подсчетами я выяснил для себя, кто именно за рулем.

Высший пилотаж работы в моих глазах. Мне было куда стремиться!

В Спасское мы приехали с опережением графика и сразу вышли на улицу: выветрить напряжение и просто сделать глубокий вдох.

— А у тебя на телефоне камера хорошая? — вдруг спросил Дима.

— Не жалуюсь.

— Сфоткай меня с вашим красавцем, пожалуйста.

А он и впрямь как я. Я тоже обожаю фотографировать-

ся с автобусами, особенно с теми, которые вызывают у меня настоящую гордость. Правда, его козырь в бесстрашии. Я обычно стесняюсь попросить.

Я с готовностью достала телефон и, предложив Диме чуть сместиться вправо для красоты кадра, нажала кнопку затвора.

— Смотри, как тебе?

— Мне нравится. Скинешь потом, я на аву себе поставлю. Буду всем рассказывать, что на «24-ке» работал.

Какой романтик! И ведь не смущает его, что на 877 сейчас совсем другой трафарет.

Еще немного поболтав о работе, мы прыгнули в кабину и помчались обратно. На «Глобусе» отмечать путевку пошел Дима. Я же осталась в автобусе, чтобы сбросить пуд мелочи в ведерки.

Напарник появился всего через пару минут. И не один, а с новой стратегической задачей. И двумя зелеными табличками в руках.

— Нет! Ну только не Загородный!

— Он самый, — обреченно подтвердил мои худшие опасения водитель.

— Ты издеваешься? Нормально же начинали. Лена помнит, что это не я на «резерве», а ты у нас подрабатываешь?

Ответом мне было молчание. Что ж, еще одна строчка в учетке. Маршрут «7с». Лишь бы ненадолго! Правда, видя везучесть своего временного напарника, я уже в это не верила. Радовало одно — катушек по 1 рублю у меня нет, а потому куда-то на пригород нас точно бы не сняли. Или ...?

Не подумайте, я ко всем маршрутам относилась ровно. Почти. Просто уезжать с «24-ки» в разгар часа пик — настоящая катастрофа. Особенно когда начинаешь представлять переднего и заднего, которые делят между собой вашу сотню-другую пассажиров, набиваются до отказа... Я любила разнообразие в буднях, но сейчас чувствовался перебор.

И только Диме всё было нипочем. Фактически у него оказались другими лишь автобус и кондуктор. Остальное не изменилось.

Как я и предполагала, оба круга мы прошли пустыми как барабан. Было в этом и хорошее — я утихомирила свою бурю

внутри — и плохое. Выручки-то всем хочется! И мне, и водителю. Он и вовсе на подработку пришел, чтобы улучшить финансовое положение. Но увы — пассажиров отчаянно не было.

По возвращении в диспетчерскую я схватила путевку вперёд него и отчеканила:

— Нет. Сиди на месте и не двигайся! Я хочу спокойно дожить этот день на родном для себя маршруте.

Но вы же знаете, что такое «злой рок»? Я его почувствовала физически, когда переступила порог. Елена Геннадьевна смотрела на меня умоляюще-мило. Это когда-нибудь закончится?

— Маш, я всё понимаю. Но Димка же правда наученный, ему не трудно... И вам чтоб не стоять вхолостую почти сорок минут... — Она определенно оттягивала мою казнь. — В общем, бери «пятнашку» и давайте в Энергетик. Там останется туда-обратно-туда, и я вас отпущу. Ему завтра на целый день заступать.

А теперь представьте лицо моего драгоценного напарника, когда с трафаретами выше меня ростом шла уже я. Он сидел на водительском кресле и открыто хохотал. Мне и дверь

пришлось самой с улицы открывать. Дима согнулся пополам и истерически хлопал в ладоши.

— И кто тут теперь невезучий? — Эх и жук! Он просто упивался своим превосходством. Нет бы таблички занести помог. Я, между прочим, чуть не споткнулась!

Кое-как поменяв маршрутные указатели, мы отправились в путь. «Затарились» возле гипермаркета, тронулись и показались вперед. Я собралась уже идти в салон, но услышала трель телефона. Это был Антон. Ему-то чего надо? Отдыхал бы себе спокойно. А то бросил меня на амбразуру и звонит!

— Машка, привет!

— Здорово, прогульщик! Хочешь отпроситься еще?

— Не дожدهшься. Заезжал с супругой в «Глобус», смотрю — знакомые очертания на посадке. Сначала думал, что 846-й, наш автобус-близнец, но разглядел голубые шторы сбоку в кабине. Значит, вы. В Энергетик поехали?

— Мы сегодня где только не были. Ты в следующий раз пришли мне в водители Рокфеллера, чтоб не направления, а деньги примагничивал!

Вдоволь насмеявшись и пожелав друг другу удачных выходных, мы попрощались. Конец смены прошел без новых потрясений. Но было в этом дне что-то волшебное, раз я до сих пор его помню. Видимо, иногда такие встряски действительно полезны.

Глава 10. От рассвета до заката жизнь автобусом богата!

Чем был Новый год для «24-ки»? Проверкой нервной системы на прочность. Примерно 20 декабря народ внезапно вспоминал о предстоящих длинных выходных и... начинал осаждать автобусные маршруты. Мы, как самый многочисленный десант до «Глобуса», оказывались под особым прицелом. Если утренние смены были относительно спокойными, не считая стандартных часов пик, то вечером шел движ в самом пугающем его проявлении.

После работы люди устремлялись за покупками. Туда — толпа, обратно — еще одна, и так до бесконечности. А основной закон транспорта гласит: «Чем больше пассажиров, тем медленнее движение». Даже наш стремительный темп не мог этому противиться. Когда салон переполнялся до состояния «ноги из форточек», вход и выход занимали не минуту, а все три. Умножьте на 30 с лишним остановок, и вы получите моментальный «вылет» из графика. И это мы еще не считали ни пробки, ни погодные катаклизмы.

В один из таких счастливых дней меня угораздило работать за подругу — и именно в вечернюю смену. Ну что поделать, не умела я отказывать. Особенно когда слышала в трубке: «Пожалуйста! Нужно позарез! Больше не к кому обратиться!». Броня спадала, и я со вздохом говорила: «Ладно, говори, во сколько меняетесь. Выйду, раз надо». Так получилось и в этот раз, хотя мне предстояло остаться после собственной утренней смены!

Отправление по расписанию — в 14:35. Я заканчивала на полчаса раньше и успевала даже забежать за чаем и перекусом. В целом, у подруги был неплохой выход. Работали они до 23:40, значит, в районе полуночи я должна была оказаться дома. Но мир транспорта — это совсем другие реалии, их невозможно записать в строгие рамки. И я, как типичный счастливчик, попала под эту раздачу.

С водителем я прежде не пересекалась. Имя, внешность, номер машины — пожалуй, всё, что я знала. Еще помнила, что в «дежурке» в одну сторону ездили. Остальное — загадка. Лихач или тормоз? Бука или болтун? Никаких вводных. Что ж, в этом была своя прелесть. Будем познавать проблемы по мере их поступления.

А вот про их 916-й Мерседес в гараже ходили легенды. Прежде всего — из-за звучного прозвища «Рыжий ап».

Автобус был ярко-оранжевым, как солнце после ливня, но не ослеплял — образ «приземляли» темно-зеленые полосы сверху и снизу. Его либо обожали, либо ненавидели. И первое, и второе было объяснимо.

Конкуренты прекращали гонку, едва начав — тягаться с этим мощным зверем было бесполезно. Плавное нажатие на газ превращало сонный автобус в болид — с той лишь разницей, что у водителя не было шлема. И ускорился Мерседес на удивление мягко и нежно: без рывков и завываний.

Правда, имелась у этой медали и обратная сторона. «Рыжий ап» чаще других нуждался в человеческом участии. Колоссальные нагрузки, очевидно, влияли на его состояние. То коробка забарахлит, то температура резко подскочит — совсем как у ребенка после огромной порции мороженого. Экипажи, кому «не везло» знакомиться с ним в моменты боли, шипели: «Его в резерв списать надо, он своё уже отработал!». Но мы ведь не отказываемся от близких и друзей, когда они болевают, правда? Чем же автобус хуже? И я отвечаю: абсолютно ничем. Порой он нуждается во внимании больше, чем люди.

Не каждый день тебя подпускают к звезде такого масштаба! Обычно девчонки выручали друг друга сами, не разыскивая никого «со стороны». Я стала исключением, которое

подтвердило правило. И для меня это была не просто галочка в графе отработанных дней, а настоящая миссия. Увидеть, оценить, сберечь.

Я летела в сторону диспетчерской с пакетом вкусняшек, когда 916-й появился на горизонте. Соревноваться с ним в скорости было бесполезно. На мое счастье, Саша (или Шериф, как его звали коллеги) заметил мой марафон почти на самом старте. Галантно остановился, открыл дверь и махнул рукой. Он-то полагал, что я возвращаюсь просто так. Или взять то, что забыла. А я шла к его сменщику работать.

— Привет! Я думал, ты уже уехала. Заходи, будь как дома.

— Спасибо! Приветик! Забыл добавить: «Но помни, что в гостях».

— И в мыслях не было! Мы всем всегда рады.

«Рыжий ап» бесшумно остановился напротив диспетчерской и, собравшись с духом, громко и протяжно выдохнул. Усталость снимать нужно каждому. Особенно железным друзьям.

К Александре Петровне я зашла с привычной улыбкой и тут же доложила:

— ВТ 916. К смене готова.

Ответом мне было минутное замешательство.

— Ты же ушла пятнадцать минут назад. И опять здесь?

— Работа зовет. Разве можно не пойти?

Она еле слышно засмеялась и добавила:

— Точно. Мне же звонили с центральной. Говорили, что ты остаешься вместо другой девочки. Ох, горе мое. Зря, выходит, я с тобой попрощалась.

Как раз в этот момент за моей спиной появились Саша и его сменщик Лёша. Видимо, оцепенение в этой компании передается воздушно-капельным путем. Иначе как объяснить их удивленные взгляды в путевку?

— Это ты, выходит, со мной сегодня? — спросил Лёша.

— Так точно. Поедем бороться с серостью жизни.

— Эх, вот как всегда. На моем автобусе, но не со мной! — Саша был так искренне раздосадован, что я решила предло-

жить ему круассан. Вдруг его это развеселит? Но я просчиталась. Он лишь покачал головой и откланялся: были неотложные дела, и лишняя минута болтовни могла стоить непростительно дорого.

«Шлепнув» печати в путевку, мы ушли в автобус. До выезда оставались считанные минуты. Я успела лишь снять куртку и застегнуть на пояс кондукторскую сумку, а мы уже катились на посадку. Катушку с билетами я цепляла уже на ходу. Впрочем, это было нормой жизни.

В тот момент я ощутила, как непохожи друг на друга «Рыжий ап» и ВР 877 — хоть они и одной модели. Внешне — крепкие Мерседесы с пронзительным взглядом. Внутри же — как лед и пламя. И я, честно говоря, не знаю, кто кем был.

916-й показался мне более серьезным. В его голосе чувствовалась железная воля и суровость настоящего бойца. Никакого кокетства, как в нашем. Это было интересно и необычно. Я не нашла ничего лучше, чем поделиться этим открытием с Лёшей:

— Какой у вашего автобуса бас изящный. Он не принц, а целый король маршрута!

Мой детский восторг был встречен тишиной. И взглядом:

«Ты о чем вообще? Мы на конкурсе певцов или на работе?». Сразу понятно: к такому серьезному мужчине приставать не стоит. В отличие от меня, романтика, он сохранял невозмутимость эксперта. Мне кажется, для шофера это самое важное качество. У кондуктора было время помечтать о высоком, а у водителя забота одна — безопасность. Ну и выручка, само собой (раскусили!).

К конечной мы приехали немного раньше графика. Оба, не сговариваясь, присвистнули. Десятка четыре человек ринулись в распахнутые нами двери, как на распродажу в магазине. Час-то был неурочный! От азарта у меня даже ноги гудеть перестали. Хоть какой-то плюс.

Зная специфику «24-ки», я вихрем начала билечивать, причем с середины. Обычно там таились пассажиры на одну или две остановки. На задней площадке располагались те, кто ехал до улиц Мира и Горького. А передние места доставались тем, кто оказывался шустрее — чистое соперничество.

Лёша намеренно «словил» один из светофоров, понимая, что я могу не успеть всех обойти. Правда, мне повезло. Деньги у пассажиров были наготове, проездные тоже. К повороту на Безыменского я гордо возвышалась в узком проходе у боковых сидений. Оттуда был прекрасный обзор на салон, да

и я никому не мешала. Почти.

— Девушка! — нетерпеливый голос раздался, когда мы уже пришвартовались у остановки. — Дайте пройти к выходу!

Я вжалась в поручень и вдохнула побольше воздуха. Невидимой меня это не делало, зато уменьшало вдвое. Левую ногу я аккуратно поставила на подиум, чтобы освободить побольше пространства. Не помогло. По правой ноге всё равно смачно прошлись черными ботинками. Бедные мои розовые кроссовки! Впредь буду умнее. В таких на работу лучше не соваться.

«Затарились» мы тем рейсом и впрямь неслабо — да простят мой беспощадный сленг пассажиры. Представьте: мы не проехали и пятой части маршрута, а люди уже стояли практически друг на друге. Ощущение такое, что в этих краях автобуса не было пару сотен лет.

Как мы добирались до Нижней Дубровы, я не помню. Почти двести человек в одну сторону! Мой персональный рекорд — не считая одного утреннего рейса до «Флоры», когда мы с Антохой взяли сразу 238 человек.

Погруженная в работу, я не следила за временем. И для

меня стало шоком, что мы не просто опоздали, а нечаянно «приволокли» за собой заднюю «24-ку». Фактически мы двигались по ее графику, а не по своему. Лёша поступил так не со зла, и наглым хапугой он никогда не был. Просто обстоятельства так сложились.

Как истинный джентльмен, мой водитель рванул без посадки до «Парка Дружбы». В компании это считалось «неспортивным поведением», зато по кодексу водительской чести было единственно верным решением.

Пропустив несколько остановок, мы нагнали отставание. И тут же — новая беда. На проспекте Ленина ДТП, собиралась нешуточная пробка — а приближался час пик! Сначала студенты и заводчане, следом за ними — работники офисов, потом и сотрудники магазинов подтягивались. А еще была пятница. Конец декабря. Люди отправились за подарками. Так что никакого отдыха. Только работа в режиме нон-стоп.

К «Глобусу» мы подъезжали с получасовым опозданием. Еще на Пекинке я достала телефон и собралась звонить диспетчеру. Лёша жестом остановил меня и показал влево от себя. В зимних сумерках виднелся силуэт гипермаркета, стоянки и подъездной дороги. Ни одного свободного миллиметра. Сплошные желтоватые фары в обе стороны. Перед нами стояла такая же очередь из машин и автобусов.

— Вон передний нашего переднего поворачивает! — Я краем глаза успела увидеть жёлтую попочку ВР 820. Что же сегодня будет? Одно понятно наверняка: ни покурить, ни поужинать.

Мимо диспетчерской мы пронеслись под настойчивый аккомпанемент клаксона «Рыжего апа». Я всё-таки пыталась дозвониться до Александры Петровны. Напрасно. Проще было связаться с офисом президента, чем прорваться к ней.

В этом хаосе встал абсолютно весь транспорт: и «Зс», и «11с», и остальные попутные маршруты. Им опаздывать было нельзя. Стратегически важные направления, замен нет. Вернее, есть. В теории. А на практике не удивилась бы, увидев в бескрайнем встречном потоке и наши драгоценные «резервы».

Мы везли минимум пятьдесят человек. Стёкла запотели. Жарко было даже в кабине. Кнопки печек стояли в первом положении. Значит, отопление подавалось вполсилы. В нашей ситуации это могло обернуться жалобой.

— Лёш, щёлкни печки, пожалуйста. Как бы они ругаться не начали. Наверняка там духота сейчас.

Он кивнул и тотчас выключил обогрев салона. Мне и самой моментально захотелось вдохнуть появившуюся свежесть.

В этом бешеном ритме прошли все оставшиеся круги. Правда, вместо четырех их было всего три. Два часа мы потратили на толкотню в пробках. А вот по выручке побили все рекорды. Без трех 700 билетов за неполную смену. Но как же я, признаться, устала! К концу дня сил не было ни на что.

Кассу я считала почти на автомате, перебирая в руках монетки по двадцать, а то и тридцать раз. Сбивалась, начинала заново. Чертыхалась. Но была невероятно счастлива. Подругу спасла — достижение номер один. С легендой повстречалась — тоже удача. Подумаешь, домой приползла лишь к часу ночи. Это пустяки, дело житейское, как говорил Карлсон в знаменитом мультике. Зато я вновь убедилась, какими прекрасными были мои коллеги. Стойкие, упорные, невозмутимые. С такими ни в огонь, ни в воду, ни в непредвиденный час пик не страшно!

Глава 11. Такие разные автобусы

Новый год-2011 я встречала с другим экипажем. В праздничные деньки решила поморозить нос — и заработать денежку. А мои напарники с ВР 877 в это время отправились на каникулы. Почти как в школе.

Пассажиропоток в начале января снижался, и разумно было немного сократить число автобусов. На 8—10 дней создавалось специальное расписание — конечно, не в ущерб пассажирам. Транспорта хватало всем хоть в 6 утра, хоть в 11 вечера. Да, интервал между передним и задним увеличивался, но не критично.

Вдали от «своих» я провела всего несколько рабочих дней, но успела ужасно соскучиться. Именно поэтому я так ждала 10 января. Нам с Антохой выпала вечерняя смена, Саше и Рае — первая, Алексею и Лене — выходные. На работу предстояло приехать к 14:30. Вот только неведомая сила упорно шептала на ухо: «Выезжай сейчас, подождёшь там, нечего дома сидеть».

Разум мой в тот момент кричал: «Да какая разница, во сколько ты там окажешься — они же не перепрыгнут график!» Но раскаленное разлукой сердце отдало немедленный

приказ. Я просто не могла сопротивляться и отправилась в диспетчерскую на «Глобусе».

Показалась Александре Петровне, поздоровалась с коллегами, вернулась на промозглую улицу. Погода менялась как моё настроение. Шквальный ветер то сдувал с ног, то резко прекращался. Небо сразу светлело, и из-за плотной серости облаков на пару мгновений выглядывало солнце. Один за другим на пересменку прибывали автобусы.

838-й с «7с» — увы, это не ко мне. 933-й — тоже мимо, это «22-ой». Наконец вдалеке показался знакомый очаровательный силуэт. А вот и хитровато-грустная мордашка Мерседеса ВР 877! Так. Остановились для высадки пассажиров... Ещё пара минут, и он будет здесь!

Я просто ликовала — хотя внешне старалась оставаться равнодушной. И так уже чудачкой считали. Но чем ближе он подъезжал, тем шире становилась моя улыбка. Наконец автобус обрулил всех, кто был у диспетчерской, и занял почетное место во главе колонны. Мой железный мальчик! Какой же он красивый! Я, конечно, замечала это и раньше, но в тот миг словно взглянула на него другими глазами — полными гордости и радости от долгожданной встречи.

Сбросив сумку с плеча на локоть, я ринулась к нему. Бы-

ло скользко, и лёд я оббегала прямо по сугробам. Мне навстречу выдвинулся Саша. Он широко раскинул руки — почти как для крепкого дружеского объятия. И любой приличный человек на моем месте остановился бы и ответил ему тем же. Но Машка, бросив на ходу дежурное «привет», пролетела напрямиком к автобусу. Обойдя его спереди, наклонилась к лобовому стеклу, прошептала: «Рада тебя видеть!» и пулей ворвалась в салон. Там было тепло и светло. Рая собирала свои вещи в рюкзак и весело смеялась:

— Вот так приоритеты у тебя! Мимо Саши к железяке!

Хм, да эти её слова можно было девизом моей жизни сделать. Ладно, вообще-то я не всегда была такой. Места в моей душе хватало всем.

— Уж какие есть! — я даже спорить не стала. Понимала, как комично выглядела. Правда, это волновало меня меньше всего. Я вернулась домой, и этот самый дом обязан был почувствовать мою радость!

Здесь читатель может подумать: да какая разница, в каком салоне работать? Автобусы ведь одинаковые. Для пассажиров и не влюбленных в транспорт людей — возможно. А для таких, как я, у кого вместо модных треков в голове «заедала» мелодия коробки ZF — точно нет.

«Свой» автобус на то и родной, что в нём всё знакомо и любимо. Расположение сидений, «хвatalки» на поручнях, тумбы на передней площадке — мне так этого не хватало! Скажу больше: первые две или три смены у «чужих» я спотыкалась и ударялась о предметы, пока не привыкла к их расположению.

К жизни меня вернул счастливый Антоха. Пока я витала в облаках, он успел отметить путевку и вернуться в салон.

— Здорово, Машк! Мне тут уже пожаловались на тебя. Экипаж, говорят, не узнаёшь?

За его спиной лукаво подмигивал Саша. Само собой, он не обиделся на меня. Знал же, что я одинаково обожала их всех. Кроме Мерседеса — его я любила чуточку больше. А разве могло быть иначе с таким очаровашкой?

Антон ловко запрыгнул в кабину, удобно устроился в кресле и, спросив риторически: «Готова?», снял автобус с ручника и надавил на газ. Раздался протяжный «чих», и кормилец медленно поехал в сторону новых приключений.

Нам навстречу мчались встречные «24-ки». Народу в салоне почти не было, и я с любопытством разглядывала авто-

бусы — если, конечно, успевала.

ВТ 966. Тот самый «чужой», с которым я провела все праздники. Из толпы похожих машин его неизменно выделяли две вещи: отчаянно-грустный взгляд и занавесочки по всему салону, бордовые с золотистой каймой. Его коробка пела слегка протяжно, будто с надрывом, но разгонялся автобус более чем шустро. Правда, редко — водители были как на подбор степенными и никогда никуда не торопились.

В салоне ВТ 966 не было привычных мне «висюлек», зато я подметила кое-что поинтереснее. Сиденья. У большинства была банальная серая, зеленая или синяя обшивка, а здесь красовалось настоящее произведение искусства. Розовато-красный фон, на котором хаотично расположились кляксы разных форм и оттенков. Сперва я даже и присесть лишний раз опасалась — настолько чистыми и уникальными они выглядели.

На Безыменского было пустынно. Оно и немудрено — первый рабочий день, после праздников все пытаются войти в привычный ритм. И я, для порядка оглянувшись на распахнутые двери и пустой салон, продолжила сканировать проезжавшие мимо автобусы.

Х 565 КС. Когда я только пришла на «24-ку», Антон мне

доверительно шепнул: «Этот экипаж у нас элитный, но в хорошем смысле. Профи высшего класса, стараются всегда работать на своём автобусе сами, без посторонних». Для меня это прозвучало таинственно — «государство в государстве». Лишь когда я поближе познакомилась с этими замечательными людьми, поняла, о чем говорил мой напарник.

Если в обычных коллективах оценивают друг друга по внешности, то в среде транспортников ничто не расскажет о коллегах лучше, чем их машина. Яркий красный Мерседес Жени, Ромы и Лёши не кричал о себе, но определенно бросался в глаза. Ламбрекен с бахромой (декоративная защитная шторка) делал его одновременно серьезным и романтичным и отлично дополнял образ элегантного покорителя дорог. Жёлтые «противотуманки» без слов говорили: «На меня можно положиться даже в кромешной тьме». Весь экипаж был таким же — надёжным и до конца преданным делу. Стабильно высокая выручка, идеально чистый салон, грамоты и благодарности — даже от главы нашего города!

Вслед за 565 пронеслась и моя робкая мысль: «Вот бы однажды и нас отметили... Не нужно высоких наград. Достаточно доброго слова и комплимента ВР 877. Он ведь тоже заслужил!».

Половину Доброго проехали, а я лишь дважды поднима-

лась с сиденья, чтобы оторвать вошедшим билеты. Что ж, в этом тоже были свои плюсы. С нами как раз поравнялся ВР 918. Желтый «низкопол» (автобус без ступенек), ставший для нашего города символом всего маршрута. А для меня лично это был эталон слаженного экипажа.

Глядя на них, я мечтала, что и у нас всё будет так же.

Три бессменных водителя — Виктор, Александр, Николай. Три постоянных кондуктора — Катерина, Ирина, Светлана. Безупречно вымытый и всегда теплый Мерседес, в котором тихо шуршали — а не трещали, как иногда бывает — печки. Плавный, шустрый, со своим особенным характером — не гордый, но уверенный в себе, не зазнайка, но статный.

...А каждый декабрь он и вовсе превращался в картинку из сказки — как, впрочем, и многие другие машины в «БигАвтоТрансе». Экипаж заботливо развешивал по потолку разноцветную блестящую мишуру. В кабине ставили ёлочку. На стёкла клеили зайчиков, медведей и Деда Мороза. И детям потеха, и взрослым умиление. Причем я даже не знаю, кто радовался больше. Признаюсь честно — именно такое отношение к работе стало для меня образцовым.

Антоха прибавил громкость у радио. Заскучал, бедняга. Надо бы пойти его развеселить... Сказано — сделано. Се-

кунда, и я уже пристаю к нему с разговорами, стоя прямо под табличкой «Отвлекать водителя во время движения запрещено».

— Чего загрустил?

— Сама посмотри.

Он обреченно махнул рукой, указывая куда-то вперёд. Там лениво тащилась «20-ка» ВТ 982, а перед ней полз кто-то, похожий на «18С». Что ж, выручки этим рейсом много не предвидится. Не всё коту масленица, а автобусникам — час пик. К такому развитию событий мы тоже были готовы.

Я потянулась к сумке, выудила из нее небольшой термос и налила чай в крышечку. По кабине сразу разнесся аромат фруктов.

— Попей немножко, веселее станет. Обратным рейсом мы им зададим. — Я уже была знакома со спецификой работы и даже позволяла себе шутить.

— Спасибо! Я там, кстати, вафли принес. Сейчас на светофоре достану. Вкусные, с шоколадом. Как ты любишь.

Вот это я понимаю — экипаж мечты. Эх, как бы я хотела,

чтобы мы работали вместе целую вечность!

Глава 12. Антон уходит

Весна началась прекрасно. Погода стояла чудесная — теплая, солнечная, яркая. Автобус продолжал радовать нас крепким здоровьем и сладким голосом. А еще мы прошли через техническое обслуживание и не поссорились. Вообще невероятная удача! Я строила грандиозные планы на первое лето с ВР 877 — только сбыться им было не суждено.

В один из выходных я, по своему обыкновению, отправилась в гости к сменщикам — Рае и Саше. Мы обсуждали новый выход на следующий месяц и шутили, что в этот раз «передний» нам достался поистине замечательный. ВР 821. Он в гараже бывал чаще, чем на линии. Такой профессиональный и по-своему наглый юмор. В том экипаже не обижались — понимали, что мы не со зла.

Когда мы поравнялись на улице Мира с каким-то автобусом, Саша поднял руку для приветствия, а затем ласково помахал. Как будто старого знакомого встретил. И тут же обернулся ко мне:

— А ты чего не поздоровалась с Антохой?

Я долго соображала, о чем он. Нигде на горизонте не было

ни «24-ок», ни других городских маршрутов. Только пригородный МАН занял специальное место чуть дальше остановки — работал без кондуктора и не хотел задерживать остальных. Я, конечно, еще покрутила головой в разные стороны, но так ничего — и никого — не нашла.

— Где ты его видишь? Это розыгрыш, что ли, такой? — Саша с его характером вполне мог и пошутить, наблюдая за моей растерянностью. Согласитесь, это и впрямь забавно, когда один человек видит всё двумя глазами, а другой, хоть и в очках (а я носила их постоянно), может что-то упустить. Но он вдруг стал серьезным и слегка озадаченным.

— Так он на «132-ом» маршруте сегодня стажирется. Уже за руль посадили. Ты не в курсах, что ли?

Конечно, нет! Мое незнание идеально отражалось на моем лице. Немигающий взгляд, шок, попытка принятия суровой реальности.

— Разве туда берут на подработку «простых» водителей с города? — я пыталась найти другое объяснение, хотя и понимала, к чему всё идёт.

— Не-а. — Саша сочувственно покачал головой. — Он в ту автоколонну уходит. Насовсем.

Я ничего не ответила. Всю дорогу до дома мы молчали. Рая отнеслась с пониманием и просто иногда похлопывала меня по плечу.

Я вышла на своей остановке с полным желанием позвонить Антону и высказать то, что я думаю. Без купюр. Но решиться на это не смогла — из уважения к нему и его работе. Нельзя отвлекать человека на новом маршруте, где нет кондукторов. У него хоть и был опыт отрывания билетов, но это — другое. Переживу как-нибудь. Лучше подумать над подарком. Не могла же я проводить его на повышение с пустыми руками!

В первый день вечерней смены Антон вел себя странно. Мог без конца шутить, а потом замолчать, резко отвернувшись к форточке. Я догадывалась, почему, но карты на стол не выкладывала. Ждала, чтобы он сам сказал обо всём. Задомно присматривалась к его настроению и соображала, что подарить напарнику по случаю перехода.

Банальные вещи вроде портмоне и ручек я отмела сразу. Зажигалки тоже: Антон успешно бросил курить и возвращаться к старой привычке не планировал. И здесь моя фан-

тазия закончилась. Я решила посоветоваться с Леной. Она меня сюда привела, ей и разбираться.

— Привет! Дело к тебе на миллион.

— Приветик, бандитка! Рассказывай, чем смогу — помогу.

— Ты, наверное, уже слышала новости?

После этого вопроса Лена сменила тон на полужалостливый.

— Про Антона? Ага, знаю. Есть какие-то идеи?

— И да, и нет. Порадовать его чем-нибудь хочу, но понятия не имею, что можно купить.

— Удочку?

Хм. Вариант интересный, но я не знала, рыбак ли он.

— А еще предложения будут?

— Одеколон любимый? Очки солнечные?

Ну нет. Больше похоже на презент руководителю, а не коллеге, с которым за неполных полгода я успела пройти огонь толпы в салоне и бурю гонок на маршруте. До медных труб не добрались. Не успелось.

— Всё не то. Не то.

— Тогда не знаю. Капризная ты какая стала. Избаловала тебя «24-ка»! — Классно, что она никогда не теряла чувства юмора.

Я поблагодарила ее и снова схватилась за голову. Чем можно удивить напарника, который видел всё? Хотя... Точно! Он никогда не смотрел на себя со стороны — за рулём автобуса, к которому привык. И который, я надеюсь, любил хотя бы наполовину так же сильно, как я.

Оставалось всего ничего — найти дома фотоаппарат-«мыльницу», купить батарейки, выбрать день и место съёмки, отпроситься с работы... Список дел впору было писать на свитке, чтобы точно всё уместилось.

Размышляя, я не заметила, что мы уже добрались до конечной. Почти «хвостиком» за передним, зато с «23-м» сзади. Красота!

Антон открыл дверь кабины — я поняла это по громкому щелчку — и спустился в салон. Вышел за поручень-перегородку и остановился.

— Слушай, Машк. Тут это, дело такое. В общем, я ухожу. На пригороде буду работать.

— Без проблем. Я всё понимаю. — Если б вы только знали, чего мне стоили эти слова, да еще и с искренней улыбкой. Я правда была за него рада. А за нас с 877 — немножко наоборот.

— Ты знала?

— Да. Видела тебя. Вернее, Сашка показал.

— И ничего мне не сказала?

— Зачем? Это твоё решение, и я его поддерживаю. Рано или поздно каждый хочет для себя чего-то большего.

— Понимаешь... — Он чуть помолчал, но бодро продолжил. — Такой шанс не выпадает дважды. А мне позвонили, предложили попробовать. Там всё по-другому.

И тут было не поспорить. Привязанность к маршруту,

экипажу и машине — всё это, безусловно, здорово, но карьерный и зарплатный рост должен перевешивать. По крайней мере, у людей рациональных.

— Понимаю. И горжусь тобой. Когда последние смены у нас?

— В середине апреля. После утренних уйду.

Что ж, пора сбросить Рае смс-ку, чтобы она меня подменила. Я буду занята — побегу делать подарок.

13 апреля, накануне важного и непростого дня, я лишь в последнюю минуту сообщила Антону, что свой финальный аккорд на «24-ке» он проведет с Раей. Он принял это стойко, как и положено настоящему напарнику. В сущности, какая ему была разница, с кем докатывать оставшиеся четыре круга? Это меня и спасало. Весь вечер я провела в подготовке.

Протерла объектив, нашла карту памяти, вычислила наиболее комфортную точку съемки. Таковую, чтобы автобус было видно, а меня «в засаде» — нет. Выбор пал на площадь Ленина. Но ваша покорная слуга, как всегда, не учла сразу несколько важных факторов.

14 апреля выдалось суровым и пасмурным. Когда я появилась на улице Горького, меня ждало неприятное открытие. Все без исключения автобусы уже успели испачкаться и выглядели как лабрадоры после грязной лужи. Чистыми оставались лишь лобовые стекла и трафареты — для их протирки в салонах всегда были специальные швабры.

Кадр обещал быть легендарным. «Чумазик» на линии. Этюд в серых тонах. Но я уже решила, проснулась, приехала, ничего не забыла. Отступать было некуда. И я принялась ждать.

Счет никогда не был моей сильной стороной. И на месте встречи я оказалась намного заранее — едва ли не за час до появления ВР 877. Когда я приехала, он только просквозил в противоположном направлении. Bravo, Маша. Зато я смогла «пристреляться» на фотоохоте, чтобы, если что, сменить дислокацию.

Выбирала разные углы и ракурсы, снимала разные маршруты: то «7с», то «54», то коллег по «24-ке». Кое-кто из них меня разглядел и помахал рукой, удивленно спрашивая жестами: «А ты чего не на работе?» Я лишь пожимала плечами. Много ли успеешь рассказать на пальцах за секунду?

Время летело быстрее, чем я ожидала. До ВР 877 оставалось всего два автобуса. Но какое-то смутное чувство не покидало меня последние минуты. Словно что-то могло случиться, и пресловутая женская интуиция пыталась меня об этом предупредить. Я решила ей довериться. Расчехлила фотик и нажала кнопку включения.

...И тут среди иномарок, как в сопровождении кортежа, появился наш Мерседес. Я бы даже сказала, ворвался в кадр. Куда-то сильно спешил. У меня остались секунды на то, чтобы просто его «щёлкнуть», времени прицеливаться не было. И... Боже, как это плохо выглядело! Как если бы ребенок наклеивал маме на открытку бабочку, а получился неузнаваемый дикобраз. Это про моё фото.

Снова дожидаться ВР 877 я уже не успевала. Нужно было телепортироваться домой, подготовить коллаж и бежать в фотоателье. Потом — на пересменку. Я планировала сделать совместный снимок экипажа. Рая, Лена, Лёша и Антон работали и так, я должна была вернуться со смазанным подарком. Только Саши не хватало — но он просто не смог вырваться в выходной.

Без двенадцати полдень я влетела в комнату и почти с ног включила компьютер. Вот-вот мои напарники должны были отправиться в самый последний круг, а потому пришлось

перейти в режим ракеты. Я достала из папок всё, что у меня было по ВР 877 — вид сбоку, сзади, зимой, летом, после дождя — и небольшими вставками расположила на новом фото. Чуть добавила резкости, и автобус уже не казался расплывшимся. Готово! Выглядело, конечно, так себе, но ведь и я не профессионал. Так, просто Машка, которая отчего-то решила, что этот коллаж порадует ее напарника.

Мне повезло хотя бы в одном. Ребята в отделе срочной печати отнеслись с пониманием и тут же взялись за дело. Пока они творили шедевр из того, что есть, я помчалась в соседний магазин. Негоже дарить снимок без рамки!

Когда всё было готово, я бросила последний оценивающий взгляд. На троечку потянет. Если с пивком. И отойти метров на десять. Но как уж вышло. Пора «ловить» своих и ехать на конечную. Тут-то мандраж и азарт сменились прежней грустью.

Автобус аккуратно подплыл к остановке, чуть наклонился вправо и распахнул обе двери. Сперва — переднюю персонально для меня, затем — среднюю. Сразу вспомнила, как впервые переступила этот полустертый порожек желтого цвета. Суета, спешка, все кричали и обсуждали что-то. Мне

было и страшно, и любопытно.

Потом начались первые смены. Напарник забирал меня почти у дома и всегда приезжал заранее, так что я могла из окна полюбоваться красивым полосатым боком 877-го. В салоне было темно, и единственный огонек освещал кабину. Антоха вечно что-то делал. То панель протирал, то трафарет, то их фирменный зеленый виноград, висевший прямо на лобовом. Как будто всё было вчера...

— Привет, работнички! — я нарочито весело поздоровалась. Это вообще было моим кредо — прятать за улыбкой слезы.

— Привет, прогульщица! — так же непринужденно отозвался Антон. — Что, я тебе настолько надоел, что ты решила досрочно сдать дембель?

— Как ты только догадался! Всё так и было!

Рая, стоявшая рядом с кабиной, лишь подмигнула. Она знала, что в моей бездонной дамской сумке явно что-то припасено.

В диспетчерской ребята отметили путевку и вернулись к нам. Мне предстояло произнести речь, а я боялась одного —

слишком сильно расчувствоваться. Потому просто достала фотоаппарат и сказала:

— Все же понимают, что без совместной фотки я никого никуда не отпущу? Поехали подальше, чтобы без посторонних пофоткаться.

Сменщик чуть отогнал автобус, и мы действительно остались в гордом одиночестве (не считая другого кондуктора, которую я уговорила сделать снимки). Выстроились парами экипажей у мордочки ВР 877. Рая слева, следом за ней — Елена и Алексей, потом — Антоха и я. И Мерседес на заднем плане. Он, кстати, позировал лучше и больше, чем мы: упал вперёд и вбок одновременно, чтобы в кадре выглядеть мило и дружелюбно.

После короткой фотосессии я наконец вручила подарок своему некогда водителю, а теперь — просто знакомому и коллеге. И видели бы вы его глаза! Думаю, в яркости блеска они легко бы посоревновались с дальним светом. Мне было и приятно, что сюрприз удался, и печально от того, что отныне жизнь изменится навсегда. Если б я еще знала, насколько круто это произойдет...

Глава 13. Сага о термосе и тапке

Когда Антон ушел на повышение — на пригород и по совместительству «дежурку» — поиски нового напарника для меня неприлично затянулись. Нужно было что-то решать. Самый очевидный выход пришел в голову Сан Санычу недели через две. И разбил мое сердце на 877 стеклянных осколков.

— Машут, доброе утро! — его голос в трубке стал уже родным. Но на этот раз я почувствовала что-то не то.

— Здравствуйте! Подработочку мне хотите дать?

— О! — заметно оживился мой собеседник. — А на целый день пойдешь? У меня «14-й» скучает без кондуктора, там Наталья на больничном.

— Без проблем. У меня как раз длинные выходные. Выйду. — Я же этого хотела?

— Спасибо! Тогда ставлю тебя завтра на ВО 655. Там Жечка водителем будет. Знаешь, наверное, его.

— Наслышана. А выезд во сколько?

— В 6:25 с Глобуса. И вот ещё что... — он резко замолчал, и я поняла, что ничего хорошего не предвидится. — В общем, со вторых смен выходишь на другую машину. Твоих я на пятидневку определил. Нет водителей свободных.

Будь у меня в руках стакан с соком, он бы эпично полетел вниз в замедленном действии, как в кино. Именно так я себя чувствовала в тот момент.

— Хорошо. Я поняла. А что за экипаж? — Мне дорого стоило не прослезиться от нахлынувших чувств.

— ВР 924. У Серёжи напарница уволилась вчера. Он у нас молодец. Привозы высокие. В общем, до связи, про «14-й» не забудь!

— Ни в коем случае. До свидания!

Я глубоко вздохнула и уселась на диван, обхватив колени руками. Выручка — это и правда прекрасно. Но как же мой железный кормилец без меня? Да и я без него теперь — как?
...

Встреча с новыми напарниками прошла легко, как всегда в семье «БигАвто». Света и Юлия меня приняли радушно, и на душе немного полегчало. Водители у них тоже были замечательными. Миша, Андрей и тот самый Серёжа работали вместе не один год. О них говорили так: «Эти не подведут. И машина ухоженная, шустрая, и в салоне у девчонок тепло». Но... Это всё-таки был не ВР 877, и поначалу мне казалось, что это невозможно принять.

Тем не менее, я не зря пишу эту главу. Из небольшого опыта работы с Серёжей я извлекла бесконечно ценный урок, за который мне до сих пор чуточку стыдно. Интересно? Тогда слушайте!

Первый месяц всё шло как по маслу. Мы понемногу узнавали друг друга: кто где учился, как попал в компанию, какие планы на будущее. Серега оказался классным водителем. С ним я была как у Христа за пазухой.

Я не боялась, даже если он лихо входил в поворот и выжимал газ до упора. Не волновались и пассажиры. Больше того — многие в салоне спорили, обгоним ли мы конкурента с «18-го» или «21-го» маршрутов, и ставка в нашу пользу всегда выигрывала. «24-ки» были практически ракетами —

правда, в облике вполне земных разноцветных автобусов на обычной серой дороге.

Сложности в нашем экипаже я тоже заметила быстро. Но упорно игнорировала, пока не грянул гром.

Мы с Серёгой оказались как два сапога пара — но в плохом смысле. Упертые баранчики, каких поискать. Могли «закуситься» из-за разных музыкальных вкусов или того, кто пойдет с путевкой к диспетчеру. Подобное случалось и у других, раз по сто на дню. Но... нам обоим одна ситуация дала понять: мы не сработаемся. Ни за что. Никогда.

Было раннее летнее утро. Солнце через чисто вымытые стёкла испелеляло дрезденский Мерседес (эти автобусы отличала особая расцветка: жёлтая с черными юбочками; до прибытия к нам они трудились в Дрездене). День обещал быть жарким и в прямом, и в переносном смысле. Уже на первой остановке нас ждала толпа. Человек двадцать, не меньше. Серёжа, довольный собой, потирал руки.

— Вот это мы сегодня хапнем!

Это был возглас победителя. Он немного убавил громкость на магнитоле и выкрутил руль до упора, чтобы объехать никуда не спешивший «7с». 924, поняв водителя с по-

дуслова, с готовностью резко «уркнул» и взревел коробкой.

К концу улицы Безыменского у нас совсем не осталось сидячих мест. А ведь мы и половины района не проехали! В этой давке я, ухватившись мизинцем за верхний поручень, заметила, что билеты заканчиваются. Нужно было срочно поменяться с напарником — ему оставить «хвостик», а себе взять целую катушку.

Но добралась до Сереги я лишь на Добросельской, и то по улице. Вы спросите, как? Позвонила ему и предупредила, что выскочу на остановке в среднюю дверь, а обратно войду уже в переднюю. Мы нередко так делали, если протиснуться сквозь толпу было нереально. Но обычно это случалось осенью или зимой, когда из-за объема одежды физически тяжело было идти даже мне. Можете себе представить, сколько пассажиров мужественно вез наш железный красавец жарким летним утром?

Оказавшись в кабине, я оторвала билеты тем, кто вошёл вместе со мной, и юркнула в пространство за перегородкой. Знаю, это запрещено правилами, но по-другому было просто никак. Пока я ковырялась в дамской сумочке (а там еще попробуй что-нибудь найти!), мы попали в пробку. Типичная картина владимирских будней.

Сняв старую катушку и повесив на шею новую, я собиралась возвращаться в гущу событий, как услышала голос парника:

— Машка, сколько у нас прямо сейчас билетов продано?

Самое время для вопросов. У меня человек десять минимум стояли в дверях «зайцами», и заниматься подсчетами было некогда. Я обернулась и сказала:

— Серёж, давай через остановку тебе скажу. Там как раз основная часть людей выйдет, будет посвободнее.

Он посмотрел на меня взглядом, не терпящим возражений.

— Сейчас скажи. Трудно, что ли? Я должен знать, тянуть-ся ли мне дальше или лететь. Там задний, наверное, уже в спину дышит.

Чтобы ответить, мне нужно достать с приборной панели тетрадку, оттуда — учетку, посмотреть номер билета, с которого начался рейс, сравнить с текущим, найти разницу. А в час пик у кондуктора каждая секунда на счету! Я тихо, но более настойчиво повторила:

— Обилечу сейчас вошедших, вернусь и покажу. Либо можешь сам глянуть.

Этого Серёжа стерпеть не смог и выпалил:

— Да ёклмн, я для кого стараюсь-то?

«Ну, как минимум, для себя. Ты же тоже зарплату получаешь!» — пронеслось в моей голове. Я была уже на пределе, но сдерживалась.

— Давай считай! — Серега не просто командовал, он схватил меня за локоть!

Я выдернула руку и рывкнула:

— Говорю тебе, три минуты потерпи!! Вот же заноза какой!

То ли солнышко окончательно напекло мою головушку, то ли терпение лопнуло, но я схватила свой маленький термос и стукнула водителя по плечу. А потому что нечего на меня голос повышать! Сказала, что сделаю — значит, сделаю. Просто потерпеть нужно.

Его глаза в один момент налились яростью. Серега нахло-

нился, пользуясь тем, что мы стояли в большом потоке машин, снял шлепанец и замахнулся, чтобы запустить им в меня. Но в последний момент передумал — ведь он мог легко попасть в людей вокруг, а они ни в чем не были виноваты.

— Девушка, милая! — взмолилась пассажирка, стоявшая прямо рядом со мной. — А мы сегодня доедем вообще?

— Если он прекратит меня бесить — обязательно! — это был первый раз, когда мои эмоции взяли верх над разумом. Не стоило ей такое говорить, но получилось как получилось.

Гордо задрав голову, я удалилась в салон и больше не возвращалась к водителю до самой конечной. Да и там, надо сказать, просто подошла, заполнила учетку и двинулась на заднюю площадку, не проронив ни слова. Серёжа тоже молчал. Упрямыцы, одним словом.

Именно такими нас увидели напарники, пришедшие на вторую смену. Два буки в разных концах автобуса, надувшие губки, как дети. Помирились ли мы в тот день? Нет.

А на следующий? Тоже нет. Это как с автомобильной фермой — если она вдруг треснула, то нужна замена, иначе разлом пойдет дальше, и конструкция не выдержит. Так случилось и у нас, просто немного позже.

Глава 14. Переход к сменщику

Опять беспокоить Сан Саныча, чтобы разобраться с ситуацией, было совестно. Он и так много сил потратил на поиск нового автобуса для меня. А чем отплатила я? Тут же поругалась с положительным со всех сторон водителем. Да, от этого никто не был застрахован — столкновение характеров и упрямств. Да, возможно, я пыталась подсознательно сравнивать Серёжу с Антоном и постоянно понимала, что они разные. Видимо, была не готова это принять. Но при всех этих умных объяснениях катастрофы было не избежать. Настоящий цугцванг.

Решение неожиданно подсказала моя новая сменщица, Света.

— Может, нам с тобой просто махнуться водителями? Ты к Мишане перейдешь, я — к Серёге. Не будете же вы вечно драться, так и до беды недалеко.

Звучало убедительно. Но была проблема — толком я их пока не знала, разве что внешне. Раньше ВР 924 находился на противоположной от меня стороне. Мы на ВР 877 начинали с «Глобуса», они — с Нижней Дубровы. Мы менялись в районе двух часов дня, они — ближе к трем, а порой и к по-

ловине четвертого. Никаких точек пересечения — ни в касе, ни в гараже. Только мимолетом на линии.

С другой стороны, никого из прежнего экипажа я тоже не знала — пока не оказалась среди них. Мне не впервой знакомиться с людьми «на ходу». Да, как показал опыт с Серёжей, это могло привести к негативным последствиям. Но попробовать изменить положение однозначно стоило. Вот только чем было обосновать столь странную просьбу начальнику?

Об этом я крепко задумалась после одной из вечерних смен, разгуливая у ворот «БигАвтоТранса». Ждала дежурный автобус до дома. Подняла глаза и увидела за рулем Антоху. И то ли обидно мне стало, то ли горько, что с ним мы подружились легко, а с нынешним напарником — не очень... В общем, я развернулась и гордо отправилась в обратную сторону. Нечего ему было уходить. Всё осталось бы как раньше.

Получилось так по-девчачьи, что сейчас, вспоминая обо всём, я могу только улыбаться. А тогда было совсем не до смеха, и под тихий аккомпанемент клаксона его автобуса я ушла к мойке, чтобы там дожидаться следующего рейса. На другой «службе». Меньше всего мне хотелось признаваться Антону, что новая страница моей книги вся перечеркнута красными чернилами учителя.

Наутро я позвонила Сан Санычу. И по тому, как долго я мялась после первого «Здравствуйте», он всё понял:

— Что-то стряслось?

— Если честно, то да. Не могу работать с новым водителем.

— А что с Серёжкой не так? — его голос стал максимально серьезным. Внезапно. Я вообще ожидала, что начальник рассердится и отправит меня в ссылку на какой-нибудь «14-ый».

— Два одинаково-упрямых характера не способны нормально существовать вместе.

— Вы оба настолько лихие?

— Оказалось, что да. Раки же.

Сан Саныч усмехнулся:

— В астрологию я не верю. А в то, что иногда трудно с кем-то ужиться — вполне. И какой выход ты видишь?

«Вернуть Антона на родину!» — так и хотелось закри-

чать. Но в трубку я сказала другое:

— Хотела спросить, можно ли нам с напарницей Светой поменяться? Она бы встала в график вместо меня, а я — вместо нее.

— В этом что-то есть. А мужики-то согласны?

Упс. Так и знала, что мы что-то упустили. Мнение водителей! Но лицо терять не хотелось, поэтому я, не моргнув глазом, выдала:

— Они не против.

— Поговорите все вместе еще раз. Потом уже созвонимся. Договорились?

— Да. Спасибо вам большое!

Я нажала на красную кнопку сброса и выдохнула. Что ж, первая часть сложного пути пройдена. Осталось чуть-чуть: убедить Мишу и Серёжу, что им это тоже нужно.

На вторую смену я, по традиции, поехала на «своем» —

то есть на ВР 924. Света отдыхала после прошлых смен, и в дверях меня встречала Юлия, мой пример для подражания: всё всегда под контролем и в идеальном порядке. Кошелечки и ванночки с мелочью — слева, ближе к приборной панели, тетрадка и блокнот — справа, под трафаретом. Рядом при необходимости появлялась свежая катушка билетов.

Сама она выглядела с иголочки — словно не в автобус работать пришла, а как минимум в модный дом Версаче. Идеальная укладка, шелковистые волосы как из рекламы, неброский дневной макияж. Я всегда смотрела на Юлию с нескрываемым восхищением — пожалуй, временами слишком открыто. А стоило бы вести себя скромнее.

На мое счастье, она всё шутливо списала на мою детскую непосредственность — и тоже не ошиблась. Я и впрямь не умела скрывать свои эмоции.

— Не помирились с Серёгой-то? — Юлия определенно умела подбодрить перед работой.

— Какое там. Оба глухо держим оборону. Холодная война в разгаре. Он молчит, и я молчу. Осталось только записками начать общаться — для киноэффекта.

— Ох и дурачки. Давно бы уже сказали «мирись-ми-

рись-мирись» да мизинчики друг другу протянули.

Ага. Чтобы он за него резко дёрнул, помня про термос? Нет уж.

— Увы. Не всё так просто. Хотим вот со Светкой махнуть-ся сменами.

— Вариант. А с Мишей вы уже говорили?

— Нет. Не знаю, как начать. Без году неделя у вас в коллективе, а уже навела шороху.

— Нашла чего бояться. Спросила прямо. Услышала «Да» — классно. «Нет» — тоже хорошо. Будешь думать дальше. Чего в неопределенности оставаться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.